

INSPIRIA

ФЕЛИЦИЯ БЕРЛИНЕР

Шмуц

В ПЕРЕВОДЕ МИРЫ ХАРАЗ

18+

INSPIRIA

Фелиция Берлинер
Шмуц
Серия «Переведено.
Проза для миллениалов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70205533
Шмуц / Фелиция Берлинер: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-197966-9

Аннотация

Познакомьтесь – Рейзл, дочь Израиля, порнозависимая.

Рейзл восемнадцать, она родилась и выросла в Бруклине, в ортодоксальной общине. Как и все, она хочет выйти замуж и стать хорошей еврейской женой и матерью. Но в отличие от других, у Рэйзл есть тайна, которая может лишить ее будущего.

Днем Рейзл изучает бухгалтерское дело и помогает семье, а по ночам тайком от всех она открывает для себя удивительный мир. Мир, которого не существует в пределах ее общины. Мир, о котором не положено знать ни одной дочери Израиля. Мир грязных видео. Мир шмуца.

«Шмуц» – это очень ироничная и предельно откровенная история о столкновении разных культур и традиций, жажды запретных знаний и отчаянного желания сохранить семейные узы.

Содержание

Дочь Израиля	6
Рассказчик снов	27
Знаки	30
Меня зовут О'Донован	32
Попробуй один раз	36
Платье в ванне	40
В завязку	54
Благословение на трейф[23]	60
Запах оттуда	75
Разбитое время	79
V-образный вырез	84
Брахес-bee	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Фелиция Берлинер Шмуц

Felicia Berliner

Shmutz

© 2022 by Felicia Berliner

© Хараз М., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

В оформлении обложки использована фотография:

© nano / iStock / Getty Images Plus / Gettyimages.ru

* * *

Посвящается маме

*Спасибо, что научила меня и столько других
детей читать*

*Благославен Ты, Г-сподь Б-г наш, Владыка
вселенной, по Чьему слову возникло все.*

– Еврейское благословение

*Бинарность нормативного/трансгрессивного
несостоятельна, как и требование от каждого
жить одностороннюю жизнь.*

– Мэгги Нельсон, «Аргонавты»

סירמון א'אמש תיב?הלכה ינפל יידקרמ דצ'כ:ינבר ונת:

הרוסחו האנ הלכ:סירמו ל ה תיכו איהש תומכ הלכ

Раввины учили: как восхваляют невесту? Бейт Шамай говорит восхвалять невесту как она есть, бейт Гилель говорит, что невеста красивая и щедрая.

– Вавилонский Талмуд (Кетубот, 17a)

Дочь Израиля

Пальцы доктора, с накрашенными блестящими ногтями, обхватывают ручку, направленную на Рейзл.

– Так ты не хочешь замуж? – спрашивает доктор Подгорец.

Рейзл качает головой.

– Хочу, – поправляет она. – Но не могу. Меня к вам отправила мами, потому что я сказала ей и свахе: никаких встреч. Никаких *башиоу*¹.

Она сказала матери, что боится секса, и это правда. Боится, что не сможет найти мужа. И это правда! Но не вся правда.

– Не можешь? – На лбу доктора появляются морщинки. – Почему?

Бедра Рейзл напрягаются, крупные ноги тесно сжимаются под длинной шерстяной юбкой, будто их сшили между собой – вдруг даже под таким слоем ткани частичка Рейзл будет видна. Но чтобы найти мужа, она скажет.

– Слишком много смотрю, – говорит Рейзл, но доктор не реагирует. – На компьютере, – добавляет Рейзл, краснея. Жар от этих слов поднимается к вискам, к кончикам ушей.

– А, ты имеешь в виду порнографию?

¹ Здесь и далее – выражения на идише, выделенные курсивом, можно найти в «Глоссарии». См. стр. 370.

Рейзл слегка кивает, едва заметное «да». Вот что она смотрит. Порно. *Шмуц*. Грязь.

– Ясно, – кивает доктор Подгорец, будто это совершенно нормально. – Давай поговорим об этом. Что тебе нравится смотреть?

Нравится смотреть? Зачем доктор об этом спрашивает? Рейзл поднимает глаза к потолку, где, вероятно, летает ответ, и бормочет себе под нос:

– *Их вайс нихт*.

«Я не знаю». Она не понимает, что с ней происходит по ночам, когда она смотрит порно. Рейзл думала, что доктор Подгорец объяснит ей, в чем дело и как это остановить. Пока не объяснила.

Но вопрос доктора напомнил Рейзл о видео, которое она посмотрела вчера – «Игра студенток». Три девушки лежат на кровати на животах в рубашках на голое тело. Видны их голые *тукесы*. Двое играли в какую-то глупую видеоигру, смеясь и болтая, а мужчина *штупал* девушку посередине. Они ведь взрослые, почему они играли в эту игру? И неужели они не видели, что происходило рядом с ними, неужели не замечали *штупания*? Девушка посередине молчала, но время от времени протягивала руку за спину и хватала себя за *тукас*. Рейзл вспомнила красивый ярко-розовый маникюр девушки.

Рейзл еще крепче сжимает ноги: воспоминание о видео вызвало ощущение там, внизу. Она слабо улыбается – инте-

ресно, догадывается ли доктор Подгорец?

Но доктор лишь склоняет голову набок и спрашивает:
– Можешь рассказать подробнее? Лучше на английском.
Прошу прощения, идиш я знаю не так хорошо.

Судя по тону, прощения доктор не просит, но Рейзл делает вдох, готовясь. Это кажется невозможным. Сказать, что она знает.

Не важно, что все ее знания теоретические. Что никакие руки, кроме собственных, ее не трогали. Но видео впечатались у нее в памяти, их не убрать и не забыть. Никакой ангел не спустится, чтобы стереть ее знания, как ангел, что учит Талмуду каждое дитя в утробе, а затем перед рождением касается верхней губы младенца, оставляя маленькую ямочку в качестве напоминания: дитя должно заново изучить Талмуд с новым сознанием, по своей воле. Вот бы Рейзл могла оказаться такой на брачном ложе – совершенно невинной, чистой, незнающей, жаждущей познать сексуальное удовольствие, будто она не имела о нем ни малейшего представления.

Но уже поздно мечтать о такой чистоте. Рейзл ерзает, устраиваясь в кресле поглубже, и кожа цвета вина безжалостно скрипит от каждого ее движения. Рейзл боится, что не сможет смириться с сексом, который ее ждет: с омовением после ритуала, пятничными ночами. Сможет ли она снять платье невесты, остаться голой? Сможет ли она убедить своего *хосна*, будущего мужа, ласкать ее языком *там*? Насмотр-

ревшись на девушек в видео, Рейзл уверена, что не сможет без этого жить, и она боится, что ее *хосн* решит, что она *прост*, грубая девчонка с грязными желаниями. Она смеет надеяться, что, если она хоть раз возьмет пенис-член *хосна* в рот, он тоже не сможет без этого жить. Порно ее в этом убедило.

Если ей удастся перестать смотреть порно сейчас, может, ей еще удастся найти *хосна*. Выйти замуж.

– Вы поможете мне перестать смотреть? – спрашивает Рейзл.

– Ты хочешь перестать? – Доктор опускает голову и смотрит над Рейзл поверх очков, говоря тем же спокойным тоном, которым спрашивала имя Рейзл («роза» на идише), возраст (восемнадцать с половиной) и «порядковый номер» в семье (третья из пяти братьев и сестер).

«Всего пять детей? Почему так мало?» – спросила доктор. Рейзл было больно говорить о выкидышах мами, она будто выдавала какую-то семейную тайну. Но как сказала мами, не страшно, что доктор не из их круга, она уже работала с хасидскими семьями. Наверняка она сталкивалась со всевозможными бедами и *цурисами*: мать, которую не оторвать от шнапса, отец, который швыряется тарелками, сын, обмочивший постель перед бар-мицвой². Иногда – невеста, которая не кровоточила в брачную ночь, а к лошадям при этом ни-

² Бар-мицва (*иврит*) – достижение еврейским мальчиком религиозного совершеннолетия (*Здесь и далее прим. ред.*).

когда близко не подходила.

А теперь перед ней Рейзл, дочь Израиля, порнозависимая.

– Я не могу перестать, – говорит Рейзл. – Смотрю каждую ночь.

Быстрые движения ручки доктора Подгорец заставляют Рейзл забыть, о чем она говорит.

– Каждую ночь? – уточняет доктор. – У вас дома есть интернет?

– Да, – говорит Рейзл, и пальцы ее ног поджимаются внутри черных ботинок на плоской подошве. Еще один секрет выдан.

– Тати – менеджер в магазине электроники, у него большая спина, поэтому ему можно иногда работать из дома. Ему нужен интернет для электронной почты. Он не знает, что у меня есть пароль и что я захожу туда со своего ноутбука, который у меня вообще только для учебы. Я учусь на бухгалтера в колледже Коэна по программе для отличников. Мне дали грант.

Это все вылетает из нее моментально, об этом говорить проще, чем о видео.

– А еще я несколько часов в неделю работаю на сорок седьмой улице, – продолжает Рейзл. – Когда я закончу учебу, пойду работать на полную ставку, все по договоренности.

– По договоренности? – спрашивает доктор Подгорец. – Как брак по договоренности?

– У меня есть *ноутбук*, – нетерпеливо говорит Рейзл. Док-

тор не видит сути. – Мне это можно, потому что это для *парнусы*, чтобы зарабатывать на жизнь. Я даю деньги маме, она откладывает их мне на свадьбу. А сейчас, пока я не замужем, деньги для заботы о братьях – через несколько лет они пойдут работать, как тати, чтобы зарабатывать, но пока они целыми днями изучают Тору. Я могу брать компьютер куда хочу. В школу. Домой. В кровать, – щеки Рейзл снова заливаются краской, но у доктора остается абсолютно спокойное выражение лица. – Дома никому больше нельзя компьютер: ни братьям, ни сестре, ни друзьям, – говорит Рейзл. – Им запрещено.

– Необычно, не так ли? – говорит доктор. – Что девушка вроде тебя сначала получает образование, а не выходит замуж.

Рейзл кивает. Тати чуть ей не запретил.

* * *

Прошлой весной, почти год назад, когда Рейзл показала тати письмо из колледжа, где говорилось, что ее зачислили, он от него отмахнулся. Как от чего-то неприличного. Он сказал: «Колледж – *тума!*»

Маме вмешалась в попытке защитить ее интересы, сказала, что учиться на бухгалтера – весьма пристойно, а Рейзл всегда хорошо ладила с математикой. Напомнила тати, какая у бухгалтеров зарплата. Да и стоит это *горнишит*. Рейзл ведь

получила грант!

– *Горништ мит горништ*, – отмахнулся тати, не отрывая взгляда от Гемары³. Ничего не стоит и ничего не дает.

– Тати, пожалуйста, – сказала Рейзл.

Он прервал чтение, поджал губы и посмотрел на Рейзл. Снял кипу с затылка, пригладил почти лысую голову, не считая нескольких рядов густых волос сзади, и вернул кипу на прежнее место.

Он посмотрел на нее не моргая, будто отдавая приказ.

– Рааайзл, – он произнес ее имя традиционным способом, сильно его растягивая, превращая в целое предложение. – *Ништ кан науку*. Никакой биологии, никаких обезьян. Ты уже знаешь, откуда взялась. Только бухгалтерия.

Рейзл согласилась на условия тати. Про «требования к распределению» и «элективные курсы» она умолчала. Не сказала, что по правилам гранта ей выделяется компьютер. То была весна 2012 года по гойскому⁴ календарю, и Великие раввины только что запретили интернет. В Сити-филд в присутствии примерно сорока свидетелей раввины провозгласили, что интернетом – с ограничениями – можно пользоваться только на работе. А иешивы⁵ не должны принимать

³ Гемара – свод дискуссий и анализов текста Мишны, проводившихся амораями, включающий их постановления и уточнения Закона. В обиходе термином Гемара часто обозначают Талмуд в целом, а также каждый из составляющих его трактатов в отдельности.

⁴ Гой (*иврит*) – в иудаизме так называют неевреев (иноверцев).

⁵ Иешива (ешива) – институт, высшее религиозное учебное заведение в иуда-

учеников, у которых дома есть интернет. Рейзл узнала это от кого-то в школе (школе для девочек), потому что кто-то смотрел прямую онлайн-трансляцию этого заявления. О том, что нельзя пользоваться интернетом, некоторые узнали через интернет.

Рейзл втайне радовалась, что намерение пользоваться интернетом никак не мешало ее братьям поступить в иешиву. Ее старшие братья, Шлойми и Мойше, уже много лет изучали священные писания. И младший брат, Йосси, у которого недавно была бар-мицва, тоже успешно прошел проверку раввинов и поступил в иешиву.

В конце концов тати согласился. Когда кончилось лето и начался первый семестр Рейзл в колледже, она получила обещанный грантом ноутбук. Он был гладким, серебряным, с изображением надкусанного яблока в середине крышки. Он казался ей теплым, даже когда не был включен в розетку, будто от него исходила некая радиация, пока он просто лежал в сумке с книгами. По дороге домой Рейзл всегда держит руку над сумкой, боится, что на нагруженном людьми тротуаре они – женщины с колясками, куда-то спешащие мужчины с пластиковыми пакетами – каким-то образом заметят очертания ноутбука. Почувствуют исходящий от него жар.

Но чего она не знала до прихода домой, так это как включить ноутбук. Как открыть, установить и использовать бес-

платную программу колледжа. Как вообще что-то делать с ноутбуком, кроме как держать его.

* * *

– Что же ты сделала? – восклицает доктор Подгорец. – Как научилась?

Рейзл пожимает плечами. Библиотекарша помогла ей подать заявление в колледж, а наставница научила пользоваться Гуглом, искать все необходимое в интернете. «Можешь зарегистрироваться онлайн, – сказала наставница. – Выбрать курсы, какие хочешь».

«Какие хочу?»

«Ну, в пределах разумного. Ты же первокурсница, так что вариантов у тебя не так-то много. Но они есть. Смотри, – сказала она, поворачивая монитор компьютера, чтобы Рейзл было видно, и принялась печатать. – Три «дабл ю», точка, колледж Коэн, точка, и-ди-ю. Учебники есть онлайн. Подержанные можно купить на Амазоне. А приветственное слово президента колледжа есть на Ютубе».

Все, что наставница вводила в строку Гугла, все запросы и желания, исполнялось невидимой силой внутри компьютера. И появлялось на экране.

Рейзл отвечает доктору:

– Кое-что я узнала от наставницы. Программе научилась через Ютуб.

– Всему научилась сама? Тебе никто не помогал?

– Да, – кивает Рейзл.

Доктор склоняет голову набок, мысленно обрабатывая эту информацию.

– Но почему ты пришла ко мне, Рейзл? Почему решила просить помощи сейчас?

– Так вы не можете помочь?

– Я этого не говорила. Но ты ведь могла обсудить это с раввином. С женой раввина. Возможно, говорить об этом на идише было бы проще.

У Рейзл круглое лицо, но, когда она злится, ее щеки втягиваются. Веснушки становятся краснее, как и кожа в целом.

– Если я пойду к кому-то из общины, не будет *шидуха*, не будет жениха! Или мне достанется какой-то *неббих*, жалкий мальчик, который никому не нужен!

– Ты никому не говорила?..

– Конечно нет!

– ...И ты все еще соблюдаешь все правила иудаизма?

Рейзл опускает глаза на свой свитер с горлом и кардиган и проводит рукой по воздуху вдоль своего тела – мол, тут и без слов все ясно. Возможно, дело в том, что сейчас январь и все остальные пациенты доктора Подгорец носят свитеры, но ей понадобилось уточнить, соблюдает ли Рейзл все правила. Но подсказок было много. Плотные бежевые колготы Рейзл, заметные между голенью и лодыжкой, выглядят как вторая кожа, но совершенно не похожи на плоть. Шов взбегаet вверх

по обеим ногам, как побледневший шрам. И длинные рукава поверх длинных рукавов. Рейзл надеется, что многочисленные слои одежды сработают как противоядие, уничтожат в ней тягу к порно или, по крайней мере, будут служить доспехами от ее привычки.

Даже без подобных слухов ей было бы сложно найти жениха, недостатков у нее хватает. Хотя самый старший брат, Шлойми, женился два года назад и теперь стал отцом; второй брат, Мойше – любимый брат Рейзл, – еще никого не нашел, хотя ему уже двадцать. Рейзл подозревает, что не она одна заставляла его с сигаретой, которая в итоге оказалась не сигаретой.

Еще проблема – ее волосы, медные, цвета паприки. Рейзл собирает их в хвост, чтобы уменьшить видимость кудряшек и чтобы цвет казался темнее. Семьи юноши в поисках невесты могут избегать рыжих девушек, если только у них в семье уже нет рыжих.

Мами настаивала, что волосы не рыжие.

«*Нишит ройт!* – спорила она со свахой. – Коричные».

Предлагала альтернативу, натягивая одну из прядей Рейзл, будто надеясь, что так ей будет намного легче найти мужа – если выпрямить одну кудряшку, сделать ее мягкой. Менее рыжей.

– Что ж, – говорит доктор Подгорец. – Сейчас ты здесь, со мной.

Она опускает голову, улыбаясь своему утверждению, но

приподнимая брови, будто все же задает вопрос. Лицо, движущееся в двух направлениях. Рейзл разглядывает совершенно гладкие темные волосы психолога, собранные в аккуратный пучок – явно ее собственные, не парик. Ее шелковая блузка кремового цвета с длинными рукавами и бантом на шее могла бы быть скромной, но нет, она слишком облегает тело. Хотя у нее есть обручальное и бриллиантовое помолвочное кольца, она совсем не похожа на замужних женщин, знакомых Рейзл. В ее шкафах полно книг, все с названиями на английском. На стене висит картина – золотистые цветы в вазе. В кабинете пахнет синтетическим цитрусом, масляным очистителем и тем не менее пылью, а на столике рядом с креслом психолога стоит остывающий кофе. У нее за спиной стол, заваленный книгами, а внизу скрывается пара коричневых балеток на низком каблуке – родственники обуви, которая на ней сейчас.

Красивые ногти психолога, покрытые прозрачным лаком с белыми кончиками, снова напоминают Рейзл о девушке из вчерашнего видео. Перед началом *штупания*, когда *туш* девушки была в воздухе, Рейзл все там разглядела: овал розовой плоти, блестящие складки, отходящие от темного *лоха*, дырки в фиолетовой тени. И еще одно *лох*, маленькое и сморщенное, более темная дырка. Когда одна дырка так близко к другой, куда пойдет *шванц*⁶? Рейзл посмотрела видео, чтобы узнать. Она переживала за девушку, чувствовала облег-

⁶ Шванц (*идиши*, *вульгар.*) – член.

чение, когда шванц попадал в нужную дырку, но все-таки не до конца – почему не в другую дырку? В некоторых видео мужчины штупают тухасы. Как шванц выбирает? В том видео лица мужчины не было видно, и нельзя было угадать, чего он хочет, что он сделает дальше. Может, поэтому девушка держала *туш*, указывая розовыми ногтями на *шмунди*. Подавала сигнал *шванцу*: иди сюда.

Рейзл ежится в кресле. Молчит. Как вообще можно такое объяснить на любом языке? На идише точно было бы не проще. То, что она видела, никто до нее на идише не произносил. Она ни разу не слышала ни «*тухас*», ни «*шмунди*»! Но нашла их в интернете, как и другие *шмуциге* слова про штупание.

Но доктор непреклонна.

– Продолжим, – она снова указывает ручкой на Рейзл. – Как ты начала смотреть порно?

– Я загуглила.

– Загуглила порнографию?

Рейзл качает головой.

– Я загуглила «*дер Башефер*», чтобы посмотреть, что в интернете говорят о Создателе, потом загуглила... – Она не может произнести священные имена, печатать их было проще. – Я загуглила «а-Шем»⁷.

Сейчас это кажется глупым – что она когда-то думала, что компьютер сможет объяснить Б-га, раскрыть для нее новую

⁷ Ха-Шем (*иврит*) – имя. Имя Бога в иудаизме не произносится.

сторону священного. В первые недели и месяцы с компьютером, когда она поняла, сколько всего он может объяснить, она хотела узнать все. Но виртуальный мир ее разочаровал. Относительно ха-Шема интернет выдал причины, по которым говорят «а-Шем» – Имя – вместо самого имени Б-га, а их Рейзл и так знала.

– Потом я написала на английском «б-о-г» и увидела столько картинок с мужчинами!

Хотя Рейзл и знала, что гои поклоняются мужчине, эти изображения все равно глубоко ее поразили. На одном был мужчина с развевающимися волосами и бородой, он был на облаке и протягивал руку вниз, к руке обнаженного мужчины.

– Потом я кое-что придумала. Я напечатала «поцелуй». Потому что в интернете есть картинки с чем угодно. Даешь интернету слово – он дает тебе картинки. Столько целующихся людей. Мужчины с длинными волосами и *мешигене* макияжем, мужчины целуются с мужчинами, и женщины целуются.

– И тебе это понравилось, – говорит доктор Подгорец. Возможно, это вопрос, но Рейзл не отвечает.

– Мне хотелось больше картинок. Картинок, которые больше нигде нельзя было найти. Я напечатала «секс» и нашла видео. Когда ищешь секс, находишь секс. Не слова о сексе.

А в видео столько английских слов, которых она не знает,

и она просит интернет научить ее, что это значит на идише. Хер – это *швани*, а киска – *шмунди*. Вместе они штупаются. Названия на английском такие незнакомые и грубые. «Пизда»? *Гойское* слово для *гойского* места, только вот у нее тоже такая есть. Она гуглит весь *шмуциге* словарь, чтобы выяснить, что все это значит на идише. Хорошо, что киска – *шмушка*, это даже звучит как-то правильно; и *лох* – дырка. То, где и происходит вся история, *гаанса маасе*, «дело». Интернет дает ей картинки и видео, и когда они ей нужны, слова, означающие другие слова. Незнакомые слова на идише, который все еще ее родной язык, *мамалушен*, хотя мами никогда ничего такого не произносила.

– Ладно, – говорит доктор Подгорец. – Я поняла, как ты начала смотреть порнографию. Но разве никто в твоей семье не догадывается, что ты смотришь? Они не знают, что ты пользуешься интернетом?

Ладони Рейзл вспотели, она вытирает их о юбку, будто стараясь с холодным потом избавиться от чувства вины. Ее сестра, Гитти, знает. Потому что Рейзл показала Гитти интернет.

* * *

Месяц назад, когда была Ханука⁸, кто-то рассказал Гитти

⁸ Еврейский праздник свечей, которые зажигают в честь чуда, происшедшего при освящении Храма после победы войска Иегуды Маккавея над войсками царя

о музыкальном клипе, который сняли *The Maccabeats*⁹. Рассказали, какие они талантливые и красивые, эти поющие студенты иешивы.

Каждый ханукальный вечер Гитти умоляла тати посмотреть это видео на его телефоне, который ему нужен для работы. И каждый вечер тати отказывал – «Нет, это не по-хасидски. Это запрещено».

– Это просто ханукальная песня, – сказала Рейзл за ужином на восьмую ночь, и тати так сильно ударил кулаком по столу, что сбил на пол фанкен, целую тарелку ханукальных пончиков.

– У нас есть Тора! И ханукальные молитвы, их и надо петь! – Он встал, крича, пока мами полотенцем вытирала пятна от варенья и сахарную пудру. – Что эти студенты песни сочиняют? Им надо заниматься, а не песни петь, – продолжал он. – А ты... – Он с грохотом подошел к Рейзл, тряся пальцем. – Думаешь, раз ты ходишь в колледж с гоями, теперь не надо никого уважать?!

– Залман, хватит! – Мами подскочила и подбежала к тати; он резко отвернулся от Рейзл и стал кричать на маму:

– *Ша!* Не перебивай меня, когда я их учу! Видишь, до чего доводит твоя доброта! – тати махнул рукой в сторону Рейзл.

– Твой отец часто так злится? – спрашивает доктор Под-

Антиоха в 164 году до нашей эры.

⁹ Американская ортодоксальная еврейская мужская группа.

горец. – Он тебя не ударил?

– *Найн*, – говорит Рейзл. – Никогда не бил.

Но она почувствовала гнев тати на себе и на мами. Почему? Неужели *The Maccabeats* настолько плохи? С чего вдруг *дер Бешефери*, всемогущему, беспокоиться о группе студентов и их музыкальных клипах?

Позднее тем же вечером Рейзл позвала Гитти к себе на кровать и включила Ютуб.

– Это интернет, – сказала она Гитти.

– Без ограничений? – удивилась Гитти. Рейзл пожала плечами. Она сначала тоже удивилась, что тати не установил никаких ограничений, но потом решила, что это добрый знак – везение или судьба, – что *дер Бешефер* почему-то хотел, чтобы она пошла в колледж и чтобы у нее был доступ к интернету.

Она сделала Гитти подарок на Хануку – показала музыкальный клип на очень низкой громкости. Рейзл поющие парни в кипах особо не впечатлили, а вот Гитти осталась от них в восторге. Ей четырнадцать, что с нее возьмешь? Гитти каждый новый певец казался краше предыдущего.

– Этот тебе не нравится? – сказала она, указывая на одного из парней. – Как думаешь, сколько ему лет? – указывая на другого. Она умоляла включить видео еще раз, а потом еще раз. – Рейзи, ну пожалуйста! – Она хотела еще раз, но Рейзл отказала – мами придет узнать, в чем дело, да и вообще ей надо заниматься.

– Значит, ты показала Гитти видео. И ей понравилось, – говорит доктор Подгорец.

Рейзл кивает.

– И тебе тоже нравится смотреть видео, – говорит доктор. – Верно?

Рейзл чувствует сухость во рту. Ей удастся выдавить из себя:

– Не музыкальные.

Как и Гитти, Рейзл шепчет Шма, молитву, перед сном и выключает свет. Но не засыпает.

– Да? Ты смотришь что-то другое?

Вопрос психолога создает картинку в голове Рейзл. Она в своей комнате. Рейзл видит свое тело, то, что раньше было личным, о чем не надо было думать. Но теперь доктор Подгорец хочет, чтобы Рейзл смотрела на себя и описывала, что видит. Значит, вот она, терапия – порно себя.

* * *

Рейзл лежит в узкой кровати, под одеялом, поставив ноутбук на ночную рубашку. Он открыт, но под углом, чтобы можно было быстро захлопнуть, а звук выключен; единственный звук – сопение Гитти в такой же узкой кровати в другом конце комнаты.

На экране женщина вытягивается на огромной кровати, изгибает спину, ее голова на подушках, и Рейзл видит ее от-

крытый рот, темные круги ее раздутых ноздрей. Мужчина поднимает ее бедра и прижимается быстро и резко к ее лысой *шмунди*, и еще раз, и еще. Поскольку звука нет, Рейзл остается только представлять стон женщины. Ей приятно? Больно? Женщина плюет себе на пальцы и трет себя, как бы вторя ритму мужчины. Даже без звука Рейзл понимает, что произошло нечто все меняющее: лицо женщины становится мягче, она на секунду открывает глаза и снова закрывает, ее бедра крепче охватывают мужчину.

Он резко останавливается, поднимается вдоль ее тела и направляет *шванц* к ее губам. С улыбкой она его глотает.

Так вот что делают женщины! Бреют *шмунди*, берут мужчин в рот, глотают, не говоря благословения.

* * *

Подгорец ждет, ее непоколебимое молчание служит вторым слоем стены, давит на Рейзл, душит ее. Рейзл не может выдавить и слова.

– Понимаю, тяжело об этом говорить, – говорит Подгорец. – Но я могу тебе помочь.

Рейзл вдруг становится страшно. Обещание психолога весьма соблазнительно, но вдруг сеансы не помогут? Даже если Рейзл удастся описать все это словами, она не верит в доктора.

– Тебе кажется, что это безнадежно, – говорит Подгорец,

будто прочитав мысли Рейзл. — Ты волнуешься, что никогда не выйдешь замуж. Но Рейзл, ты ведь даже не пробовала сходить на свидание. Ты не знаешь, что может случиться, — доктор захлопывает блокнот. — На сегодня наше время вышло, но я хочу, чтобы ты кое над чем подумала. Почему бы не сходить на свидание? Ты не обязана выходить за первого юношу, с которым ты встретишься. У некоторых девушек это так, я знаю, но ведь не у всех, правда?

Рейзл кивает, вспоминая девушек, у которых было несколько свиданий, прежде чем они нашли *живуг*, предназначенного Всевышним спутника.

— Одно свидание. Как это у вас называется, шоу? Можно попробовать один раз. Хотя бы подумай об этом, и мы в следующий раз обсудим.

Доктор больше ничего не говорит, так что Рейзл встает и медленно, неуверенно двигается к двери, чувствуя давление всего несказанного. В узком коридоре она надевает пальто и укутывается в большой шерстяной шарф, готовясь к холоду. Подгорец хочет, чтобы она согласилась на *башоу*, но ведь Рейзл столько ей не сказала.

* * *

Вот что произошло ночью и что происходит каждую ночь, когда она смотрит порно.

Когда она смотрит на тела на экране, ее собственное тело

исчезает, но стоит видео кончиться, как ее бедра и ляжки снова существуют, налитые, с натянутой кожей. Самая напряженная точка – то, где сходится ее тело, где кровь из одной половины переливается в другую. Рейзл убирает компьютер с живота и под одеялом задирает ночную рубашку. Повторяя за женщиной в видео, Рейзл плюет себе на пальцы и проводит рукой по грубым волосам, чтобы найти то, что открыто в интернете и скрыто на ее теле. Рейзл водит палец по кругу, по орбите странного ощущения, стараясь быть как можно тише, в конце прикусывая губы, когда ее тело начинает трястись – конвульсия, колени поднимаются почти до груди, чувствуя волны по всему телу. Безголосое пение, почти молитва.

Рассказчик снов

На следующее утро после сеанса терапии Рейзл бежит по коридору, чтобы не опоздать на пары, но зейде¹⁰ внезапно подзывает ее к себе в комнату. Братья и сестры всегда делили комнаты – трое братьев в одной спальне, Рейзл и Гитти в другой, – а у зейде отдельная комната. Тати говорит, что это так, потому что старших надо уважать, мами – потому что он храпит, Шлойми – потому что от него несет *пишем*, но Рейзл знает правду: это потому, что утром он может переказать тебе твой сон, а тати и мами это не нравится, и они не хотят такое поощрять. И не важно, что зейде носит цицит¹¹ поверх рубашек, как все остальные, не важно, что он не терпит сплетен и гневно кричит: «*Шмаисраэль!*»¹² – превращая молитву в брань, будто он услышал, как кто-то из его внуков сказал что-то плохое; тати и мами считают, что способность зейде видеть сны в головах других людей – ересь.

Мами сказала, что это у него уже давно и что бабэ¹³ вышла за него именно из-за этого: когда бабэ было восемнадцать, зейде сказал ей, что ей приснилось, будто она вышла

¹⁰ Дедушка (*идиши*).

¹¹ Пучок нитей, выполняющий, согласно Галахе, определенную ритуальную функцию.

¹² «Слушай, Израиль» (*древ. иврит*) – начало молитвы Шма.

¹³ Бабушка (*идиши*).

за него замуж, и в шутку ее пожурил: «Хотя бы предложения дождись!»

Он правда прочел ее мысли или просто выразил свое желание? Этого уже не узнать, но бабэ согласилась, так что благодаря своей дерзости он заполучил невесту.

Наличие отдельной спальни не мешает зейде рассказывать сны. Этим утром зейде указывает ей на стул у своей кровати, и Рейзл нехотя на него опускается. Опаздывать на пары ей не хочется, но она бы не посмела проигнорировать призыв зейде. Он рассказывает следующий сон: ранним утром, пока еще не ходят школьные автобусы, а небо еще черное, с точками уличных фонарей, по авеню идет лошадь. Она останавливается у их жилого комплекса, ржет и ржет, и снег тает от горячего дыхания огромного животного. Тати и другие мужчины-соседи пытаются отогнать лошадь, она принимается топтать и лягаться, пока ее не оставляют в покое. Лишь когда Рейзл появляется в металлически-стеклянных дверях в своей старой школьной форме, лошадь успокаивается. Рейзл запрыгивает на лошадь. В длинной юбке! На огромную лошадь! Это ее не останавливает, она летит! И скачет. Лошадиная грива развевается. Никто не пытается ее снять — они не могут, они слышат смех и галоп лошади. Потом Рейзл снова оказывается у кирпичного здания, но уже день и улица непривычно пуста. Дети в школе, мужчины изучают Тору или работают, ниже по улице несколько женщин направляются в продуктовый, толкая коляски. Рейзл стоит одна, ло-

шади нет, только лошадиное дерьмо с соломой на заснеженной земле.

После пересказа зейде забытый сон так ярко встает перед Рейзл, словно воспоминание. Зейде спрашивает:

– Рейзеле, когда ты запрыгиваешь на лошадь, куда ты скачешь?

Зейде поглаживает ее по щеке. От его пальцев исходит волшебное тепло. Его дар знать чужие сны, вытаскивать их из темных глубин ночи на дневной свет... Как это возможно? Вдруг зейде выдумал этот сон и отдал его ей, как когда-то бабэ?

Но Рейзл ему верит, тепло стекает с ее шеи по спине, вместе с чувством, что зейде знает, куда Рейзл уносится на лошади.

Так же, как Рейзл всегда знала, где он прячет для нее конфеты. Они так играли с тех пор, как она была крошкой: он говорит ей угадать, она сверлит глазами все его карманы, пока не появляется уверенность, твердая, как сама конфета, и тычет пальцем: вот! Она всегда выбирает правильный карман, и зейде вручает ей конфету «*Паскесц*»¹⁴. Она не ждет окончания ужина, как велит мамы, а разворачивает фантик и съедает конфету быстрее, чем можно сказать благословение, сладко-горькая шипучка тает на языке. Зейде улыбается и не журит ее. Он все равно ее любит.

¹⁴ Paskesz Candies & Confectioner – международная кондитерская компания.

Знаки

Наконец оказавшись в метро, Рейзл достает из сумки сидур¹⁵. Она держит карманный молитвенник с изысканной серебряной обложкой прямо перед лицом, как щит или оберег, читая псалмы, хотя она знает каждое слово наизусть.

Псалмы не останавливают вторжение порно в ее жизнь.

Женщина перед Рейзл – она готовится к танцу? Она так обхватывает металлический поручень, будто вот-вот обогнет ногой тонкий серебряный столб. Может, она расстегнет деловую блузку, заметную под расстегнутой курткой, жар поезда породит другой жар, физическую близость с каким-то незнакомцем. Рейзл теперь живет в системе знаков, но это, как ни странно, ей не в новинку. Религиозная жизнь тоже система знаков. Любая вещь, будь то яблоко, новая юбка или хорошая оценка, представлялась Рейзл как доказательство, что все делается дланью Б-жьей. Возможность сказать молитву или благословение. Если она споткнулась и упала – это тоже предупреждение от *дер Башефера*. Порнография работает не совсем так, но параллельно. Каждая вещь – сексуальный объект, каждый жест – приглашение что-то почувствовать. Яблоко – нечто, что нужно есть сексуально, на случай,

¹⁵ Традиционный еврейский молитвенник. Слово «сидур» означает «порядок», поскольку в молитвеннике все молитвы приводятся в надлежащем и фиксированном порядке.

если это видит мужчина; красный рот, красные губы; юбка существует, чтобы ее расстегнуть.

Неужели секс всегда за всем скрывался, а она просто не замечала? Как не религиозные люди не замечают во всем Бога. Для кого-то яблоко – просто яблоко, а поручень в метро – что-то, за что можно схватиться, чтобы не упасть.

Меня зовут О'Донован

Математика и бухгалтерия даются Рейзл легко, и она набрала столько этих курсов, сколько было дозволено, но избежать обязательного английского не удалось.

Входит профессор, бородатый мужчина.

– Меня зовут О'Донован, – представляется он в первый день весеннего семестра. Он в джинсах и галстуке. Вешает куртку на спинку стула, но не садится. Он ходит по аудитории, красуясь и одним профилем, и другим. Его челюсть очаровывает Рейзл. И его кожа, бледная, как у всех мальчиков в иешиве, но с маленькими темными точками. Наконец он усаживается, выбрав самый профессиональный угол профессорского стола. Он угрожающе наклоняется вперед к студентам в первом ряду и говорит:

– Я хочу слушать ваши голоса, а не только свой.

Это первый дурной знак. В программе на семестр мелким шрифтом написано, что участие в обсуждении обязательно, и дан ряд других правил; надо не только учиться, но и вписываться в коллектив. Рейзл готова распрощаться с отличной оценкой. Она учила английский, но это не ее родной язык. Сначала родной идиш, потом священный иврит, на котором молятся, и только потом уже английский. Она начала учить его в первом классе. Чтобы заменить одобренные школой учебники и разрешенные хасидские романы, она поглоща-

ла порочный английский втайне – через любовные романы, найденные на улице, журналы в приемных врачей. Школьницей Рейзл говорила, что идет к друзьям, а сама шла в библиотеку.

Сколько слов она читала и ни разу не произносила!

Дома она скрывает, что знает больше, чем ей положено. В колледже она боится показать, что у нее есть пробелы, что она знает меньше других студентов, которые носят джинсы и футболки и не выпускают из рук телефоны. У нее телефон кошерный – раскладушка без интернета, без сообщений и с заблокированной камерой. В колледже она его скрывает. На семинарах всем слышны ее чересчур четкие согласные и легкая мелодичность речи, присущая идишу, и на нее иногда поглядывают с интересом. Как бы хорошо этот О’Донован ее ни учил, она никогда не будет выглядеть и звучать как другие студенты.

Он ослабляет галстук, и тот повисает чуть криво. Его жесты выглядят фальшиво. Рейзл куда больше нравились ее религиозные учителя, раввины и их жены, ребецин, которые выше всего ставят уважение и учат, не притворяясь друзьями.

– Это ваш первый курс английского в колледже, – говорит О’Донован. – Основа вашего студенческого будущего. Меня не интересует, какой у вас профиль, что еще вы изучаете, вы должны уметь критически мыслить, анализировать текст и убедительно писать.

Он указывает на свою голову, затем на глаза. Машет рукой, будто пишет невидимой ручкой. Можно подумать, кто-то пишет свои работы от руки.

Затем он спрыгивает со стола и говорит внезапно серьезным тоном.

– Работа, которую вы сделаете на этом курсе, подготовит вас не только к университету, но и к жизни.

Рейзл слишком поздно понимает, что выбрала неудачное место, что прямо перед ней находится ширинка джинсов О’Донована. Она не поднимает глаз, изучая программу на семестр, стараясь не принимать в поле зрения ничего выше его колен, и думает, правду ли он предсказывает – обещает, – сможет ли она использовать то, что прочитает и напишет, вне колледжа.

– Найти меня очень просто, – продолжает профессор. – Мне всегда можно написать в «Фейсбуке»¹⁶.

Теперь Рейзл волнуется. У нее нет никакого «бука». Пойти в колледж, прятать ноутбук в рюкзаке и втайне от всех ходить на английский – это одно... но «Фейсбук» будет опасен. Ее могут найти на «Фейсбуке» и рассказать комитету целомудрия.

Профессор О’Донован просит студентов представиться. После того как кто-то называет свое имя, профессор с акцентом спрашивает: «И откуда вы?» С такой доброй и при-

¹⁶ Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ (*Здесь и далее*).

ветливой улыбкой.

Обычно Рейзл не стесняется говорить по-английски, но теперь волнуется, замечен ли идиш в ее речи.

— Я Рейзл из Бруклина, — говорит она так быстро, как только может, чтобы профессор не успел задать этот вопрос.

Одну ужасную секунду она чувствует на себе глаза профессора и однокурсников. Они изучают ее. Длинную юбку, доходящую до лодыжек, блузку, застегнутую до горла, рукава, скрывающие запястья. Затем переходят к следующему студенту.

Ей хочется говорить с профессором, используя привычный порядок слов идиша. Хочется забрать его английский, оставить его без языка, без места. Хочется изучать только цифры, никаких слов.

Попробуй один раз

– Рейзеле, что ты уткнулась в свою книгу! Надо готовиться!

Мами вбегает в комнату. Рейзл захлопывает компьютер и прикрывает его бумагами.

– *Фарвус* готовиться?

– Сваха звонила, она кого-то нашла. *Хосн* придет знакомиться завтра вечером.

– Цыц, – тати, стоявший в проходе, подходит к маме. – Не говори «*хосн*», еще рано.

– Ты же у меня был первым, – говорит мама. – Иногда первый – это тот самый.

Мама заглядывает в шкаф и достает оттуда три платья Рейзл. Времени на покупку нового перед *башоу* нет, так что придется довольствоваться лучшим субботним платьем.

– Залман, закрой дверь, пусть она померяет. Хочу взглянуть, какой красавицей она будет для *хосна*!

– *Бли айнара*, – говорит тати на выходе, отгоняя сглазы.

Мама пританцовывает с одним из платьев, с белым.

– Эта Подгорец – настоящее благословение. Просто чудесница, – говорит она.

Рейзл смотрит на платье в руках мамы, потом на остальные на кровати. Иллюзия выбора – столько платьев, но на деле они одинаковые. Почему она не радуется, как мама?

После того как Подгорец сказала ей «попробовать один раз», Рейзл согласилась на знакомство, но она не хотела так быстро. Не завтра.

– Все так быстро получилось! – смеется мами.

Рейзл становится не по себе. Откуда мами знать, что она думает? Она тоже начнет рассказывать Рейзл ее сны, она унаследовала дар зейде?

– Хотя я не удивлена, – добавляет мами, подходя к сидящей за столом Рейзл. – Надень это, белое, на *мазаль*¹⁷, – говорит она, мечтательно глядя на Рейзл, представляя, что ее ждет. – *Шейне мейделе. Идише коп.* Красавица и умница!

Она кладет платье на стол и ласково поглаживает волосы Рейзл, на этот раз не пытаясь выпрямить кудряшки. Вдруг она хватается Рейзл за руку и сжимает, будто хочет куда-то ее утянуть.

– Я не хочу, чтобы ты была одна, – она упорно смотрит на Рейзл. – Я хочу, чтобы ты была счастлива, Рейзеле. Хочешь учиться – хорошо, пожалуйста, учись. Твой *сейхел* – дар Всевышнего! И сейчас ума тебе достаточно. Но так будет не всегда. Я хочу, чтобы у тебя было больше.

Она сжимает руку так сильно, что у Рейзл болят костяшки.

Рейзл освобождает руку и наклоняется вперед, чтобы обнять маму. Она опускает голову на мамину грудь, и это освобождает ее от ужасного взгляда, полного любви и ожиданий,

¹⁷ Удача (*иврит*).

которым, Рейзл уверена, она никогда не будет соответствовать. Ее наполняет боль. Боль того, что она – одна из пяти, кого ее мать смогла родить и столько лет растила, но теперь она не может осуществить мечту мамы, она бессильна, как ее потерянные братья и сестры, никогда не сделавшие первого вдоха.

– Мама, я не одна.

– Сейчас да, Рейзеле. Но когда нас с тати не станет...

– Ой, мама, – инстинктивно говорит Рейзл, ей не хочется, чтобы мама говорила о своей смерти, чтобы она словами приближала это будущее. – Я и тогда не буду одна!

Рейзел не говорит, кто составит ей компанию. Не говорит о секретном мире в интернете. Вместо этого она говорит:

– У меня же есть семья.

– Конечно! Ты любишь сестру с братьями. И они тебя любят! Но не надо быть старой девой. У них будут свои семьи, а ты останешься *альте мойд* в их доме!

Рейзл крепче обнимает маму, стараясь уменьшить расстояние между ними, но оно остается даже при такой близости.

– Уф, Рейзеле. Перестань. Надевай платье, я дам тебе ожерелье к нему. А это убери, – мама нервно указывает на компьютер, лишь наполовину скрытый бумагами.

В сентябре, когда мама впервые увидела открытый компьютер на столе Рейзл, на ее лице застыл глубокий ужас.

– *Тума*, – сказала она, указывая на запретный аппарат, оскверняющий весь дом.

Рейзл приложила палец к маминым губам.

– Ш-ш-ш, мамі. Он нужен мне для учебы. Тут моя домашняя работа, смотри, – она повернула экран к мамі; тогда еще скрывать было нечего, на экране – яркая зеленая таблица Excel, с цифрами в ячейках. Но мамі вся побелела. Она прикрыла глаза правой рукой, будто готовясь произнести Шма для защиты.

Рейзл отняла мамину руку от лица.

– И он нужен для работы. Так я смогу помогать с деньгами, пока Шлойми и Мойше изучают Тору. Я смогу купить себе свадебное платье.

В конце концов мамі согласилась оставить компьютер.

– Только закрывай шторы, когда пользуешься им, – предупредила она.

Теперь Рейзл торопливо убирает компьютер в сумку, где он пролежит до конца *башоу*. Конечно же, молодого человека в любом случае и близко не подпустят к их с Гитти спальне, как и куда-либо еще без сопровождения родителей. Но нехорошо оставлять его так, в открытую, пока у них дома этот юноша, возможно, ее *хосн*.

Платье в ванне

– Красивое, – говорит Мойше, прикладывая к себе белое платье так, что его длинное черное пальто теряется из виду. – Но на тебе оно будет смотреться лучше.

Башоу вот-вот начнется, но Рейзл и Мойше стоят в ванной комнате, где Рейзл спряталась от всех два часа назад. Хотя она согласилась на встречу, согласилась на платье, выбранное мамой, теперь ей страшно. Она даже мамой дверь не открыла. Но когда постучался Мойше, она сдалась, и вот он, ее любимый брат, шутит и приглаживает платье у себя на груди. Он прижимает верх платья подбородком к груди, опуская руки вдоль белой шерстяной юбки. Ванная узкая, подол платья приходится положить в ванну.

– Перестань, – сдавленно говорит Рейзл. Она с ногами забралась на крышку унитаза, подняла колени и уткнулась в них лицом. На ней ее обычная одежда, длинный темный свитер и длинная темная юбка. Шутки Мойше сейчас ей не помогают.

– Помоги мне, – говорит она.

Одной рукой придерживая платье за талию, Мойше засовывает другую в карман пальто.

– Выкури, – говорит он, поднося зажигалку к тонкой самодельной сигарете на шкафу над раковиной.

– Ты что, там же мамой! – Рейзл коленками указывает на

дверь.

Он пожимает плечами.

– Разве дым от травки в ванной хуже скандала: девушка не хочет одеваться на *башоу*? Возьми и расслабься. И вообще, ты сделаешь *мицву*: спасешь маму от позора, если ей придется разворачивать *хосна*.

Мойше старше Рейзл на полтора года. В детстве они были неразлучны и остались близки, даже когда он поступил в иешиву. Ему всегда удавалось ее рассмешить.

Но сигарету-которая-не-сигарета она не трогает.

– Не бойся, Рейзи.

– Я не боюсь, – говорит она, все еще уткнувшись лицом в колени. – Я правда хочу замуж. Но я не могу. *Их кен ништ*.

Мойше поднимает заглушку.

– Подожди мне, – говорит он, и Рейзл наконец поднимает голову. Она делает, что он говорит. Щелкает зажигалкой, когда он зажимает между губами скрученную бумажку. Он вдыхает, прищуривается и выдыхает, глядя на Рейзл. Она кашляет и отгоняет дым рукой.

Когда красное свечение оказывается у его губ, Мойше стряхивает остаток с пеплом в раковину и смывает.

– Раз ты не боишься, почему не выйдешь замуж?

Рейзл почти готова ответить. Она хочет ему рассказать. Рассказать Мойше, что ее беспокоит. Сейчас подходящий момент.

Но что ей сказать?

Перед Рейзл предстает картинка: длинный угловой диван из видео. На диване шесть голых женщин, перед каждой мужчина, в каждой *иванц*, в *мойле* или в *шмунди*. Женщины тянутся друг к другу, поглаживают волосы или, если рты свободны, тянутся за поцелуями. Это хаотичная сцена, изгибы женщин сливаются с изгибами мужчин, тела извиваются, Рейзл не знает, кто какую позу примет в следующую секунду. Все это придется сказать Мойше, если она начнет объяснять, почему не может выйти замуж. Придется объяснить выборы, изменяющиеся конфигурации *шмуца*. Беспорядок и бесконечные возможности. Возможность узнать что-то, чего она не знала раньше. Разве ей не придется отказаться от удовольствия, которое она уже нашла, от новых изображений тела и изучения своего собственного, от того – и она знает, что оно есть, – чего она еще не нашла, если у нее будет муж?

Мойше принимает ее молчание за застенчивость.

– Насчет спальни не переживай, – говорит он. – *Хосн* должен делать невесте приятно. Это не только ради детей, как в старые времена.

От таких слов, добрых и при этом горьких, Рейзл только больше хочется плакать. Разве много хасидов думает так же, как ее брат? Для некоторых сейчас все как в старые времена.

Мойше неожиданно вздыхает.

– Знаешь, мамі скажет, что это я виноват, если у тебя ничего не получится.

Это правда. Свадьбу Мойше отменили, что поставило

перспективы Рейзл под сомнение.

– Не хочу, чтобы мами разочаровалась во мне дважды, так что Рейзи, прошу тебя. Оденься. Дай этому *хосну* шанс.

Башоу

Спрятав последствия слез под макияжем, Рейзл сидит за столом в общей комнате и ждет Ицика, ее может-быть-жениха. Услышав звонок, она не идет открывать ему дверь, как другу или как если бы он уже был ее мужем. Так его встретить нельзя; так не делается.

Это странное время – лимбо¹⁸ перед *башоу*. Еще больше правил, чем обычно, больше указаний, чего делать нельзя. Рейзл садится, не проходя вдоль длинных рядов священных книг, шкафов, полных *сфурим*, библиотеки тати, растянутой от гостиной вдоль всего дома по коридору и до входной двери, а от нее – до спальни тати и мами. Книги повсюду. Книги всех сопровождают. Книги говорят, что скуки не существует, как и свободного времени. Каждая секунда проходит для чего-то. И вот Рейзл слушает шаги, представляет тело потенциального жениха, пришельца: с одной стороны, просто мужчины, с другой – ее будущего супруга. Она не обязана выходить замуж за первого, с кем познакомится. Но если она согласится? Они тут же обручатся, сегодня! По скри-

¹⁸ Термин, обозначающий состояние или место пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем.

пу пола в коридоре Рейзл понимает, где именно находится это трио – мамы и гости. Рейзл мысленно, если не сердцем, следует за мужчиной, принимая его и при этом сомневаясь в нем – до того, как они увиделись. Рейзл кажется, что этот возможно-*хосн* как-то очень уж долго идет по коридору, что его обувь, наверное, сделана из свинца или – что более вероятно – он не хочет с ней знакомиться. А если он хочет с ней познакомиться и еще стоит в коридоре, то сразу передумает, как только ее найдет.

– Рейзеле, – говорит мамы. – Миссис Каган здесь. Ицик здесь.

Так говорит, будто она не встретила их у двери, а материализовала гостей из воздуха.

Рейзл встает, но продолжает смотреть в пол, видя силуэты гостей, но не лица. На миссис Каган – темная юбка и неожиданно яркая шелковая блузка, белая в черную крапинку. Ицик будет высоким *хосном* – его мать едва ли выше пуговиц на его рекеле, – а длинное пальто жесткое, будто его надели впервые, возможно, приобрели именно по этому случаю. От новизны у Рейзл внутри будто все поет. Она чуть кивает в сторону миссис Каган.

– *Шкоах*, – выпаливает она и тут же краснеет, не понимая, чему она говорит спасибо. Спасибо, что предоставили потенциального мужа? Что согласились на знакомство? Она не знает, что сказать женщине, к которой будет обращаться «*швигер*», как жена Шлойми называет мамы, как почти жена

Мойше могла бы ее называть, если бы Мойше не разорвал помолвку, передвинув Рейзл вперед, на чужое место, впереди ее старшего брата.

Мами вертит головой, глядя то на Рейзл, то на гостей. Мама улыбается, но как будто немного беспокоится, что знакомство уже не удалось. Ицик ведь просто молча стоит. Рейзл теперь тоже. В любой момент что-то может пойти не так. Разумеется, что-то скорее пойдет не так, чем так. Даже с правилами, о чем им можно говорить (не о многом) и что им можно делать (еще меньше), произойти может все что угодно – ведь этот юноша не говорил с девочками с детского сада, а у этой девушки есть свои мечты. У девушки есть секреты.

Мама взволнованно хлопает и снова обращается к гостям:
– *Барух а-ба*.

Теперь игра, на которую согласилась Рейзл, как будто выдала ее в сторонку и продолжится без нее, хоть она и осталась главной героиней. Она совершенно не чувствует себя ни женой, ни невестой, ни даже девушкой, которой предстоит помолвка. Наверняка она знает только одно – она должна что-то сказать.

– *Йа, барух а-ба*, – бормочет она, надеясь, что мама даст ей еще подсказку. Ей хочется, чтобы мама тут немного задержалась, и в то же время, чтобы мама и миссис Каган ушли, ушли сейчас же.

Мама поспешно приглашает миссис Каган в гостиную, они проходят, не закрывая дверей, и тут же оказываются на

диване, болтают, широко улыбаясь, не бросая взгляд на столовую. Они даже похожи на сестер, думает Рейзл, только вот шляпка миссис Каган сдвинута на затылок шейтеля, а мамина – на макушку.

– *Шалом алейхем!* – кричит только подошедший тати.

– *Алейхем шалом,* – говорит Ицик, протягивая руку.

Тати усаживается в кресло в гостиной чуть в стороне, единственный без «пары» на этой встрече.

В квартире жарковато, и Рейзл уже искренне хочется, чтобы наконец началось *башоу*. Пока их мамы знакомятся, они с Ициком стоят молча и теряют драгоценное время. Она разглядывает его краем глаза. Он высокий и длинный, как бобовый росток, настолько высокий, что аж удивительно. Он сядет? Он заговорит? Он должен заговорить первым! Вдруг их взгляды встречаются, и Рейзл, сама того не желая, ахает и пытается замаскировать этот «ах» под «чих». Шок от вида мужчины, который может стать ее мужем. Она любит и ненавидит его за это. Он красив, у него большие темные глаза, шляпа сидит чуть набекрень. И немного уродлив. Руки свисают вдоль тела, как листья растения, которое много лет не видело солнца, но не перестало расти. Кожа блее рубашки. Самое странное в его внешности – это то, что он не носит очков. Все мужчины, которых она знает, носят очки. Он что-то видит без очков? Но он уже заметил коробку салфеток на буфете и поставил ее на обеденный стол.

– *Асиса,* – говорит Ицик – его первые слова ей – и садится

напротив Рейзл. Не приветствие, а реакция на ее притворный чих. Он желает ей здоровья и подает салфетки, потому что ее карие глаза еще красны от слез и чих показался ему настоящим? Или он знает, что он не настоящий, что она блефует? Или так он показывает, что не выдаст ее блеф?

Рейзл опускается обратно в кресло – наконец-то – и благодарит Ицика за салфетки.

– *Шкоах*, – говорит она.

Хотя они не одни и не окажутся наедине до свадьбы, эта секунда единения, поблескивающая намеком на уединение, пьянит ее. Ицик со своим длинным телом наклоняется над столом, будто перед ним лежит гемара, но гемары там нет; сефер¹⁹ – это Рейзл, он наклоняется, чтобы изучить ее.

Находиться так близко к мужчине страшно, волнительно. Рейзл вдруг представляет Ицика голым рядом с ней, этот бобовый росток без рубашки и штанов, очертания ребер над вытянутым животом, *шванц*, направленный на нее. Шмуциг мысли! Они даже не разговаривали, а она уже его раздевает!

Конечно, на самом деле они не близко; как бы он ни наклонялся, их все равно разделяет столик. И пачка салфеток посреди стола, авгур их будущего ребенка или какая-то другая эмблема, связывающая их и одновременно разделяющая. Рейзл все равно остро чувствует его тело, углы его широких плеч в элегантном темном пальто.

– Ты приболела? – спрашивает он.

¹⁹ Книга (*иврит*).

– Не приболела, нет. Вовсе нет.

– *Барух а-Шем*, – говорит он, благодаря Б-га за ее здоровье. – Я рад за нас. Что мы встретились.

«Нас»? Это слово будто бьет ее током. Это звучит ужасно неприлично, но ей это нравится. Как в математике: Рейзл + Ицик = мы. Она находится одновременно внутри и вне этого примера, принимая его, принимая неизбежные элементы сводничества, превращающие их сиденья в доме ее родителей в их собственные, которые будут уже в их доме. Электрический шок от слова может превратиться в постоянный поток от прикосновения. Она пытается понять, нравится ли он ей. Ничего плохого он не сказал. Проявил заботу, подав ей салфетки. Да, наверное, она могла бы за него выйти. Интересно, что ее мама слышала о нем как о потенциально хорошем женихе.

– *Барух а-Шем*, – соглашается она.

И тут же краснеет. Сначала повторяла за мамой, теперь за Ициком. Ей что, самой нечего сказать? В голове одни алгоритмы с сокращенными формулами, будто ее разум – одна огромная таблица с пустыми ячейками, которые только и ждут, чтобы в них появились цифры. Если бы существовала формула для разговоров на *шидухе*, если бы Рейзл могла вычислить слова, необходимые, чтобы они стали парой.

Обогреватель за Ициком лязгает и наполняет комнату теплом, разбавляя неловкую тишину шумным диалогом, трубы задают вопросы, а вентиль отвечает шипением. Высо-

кий бледный Ицик краснеет. Он тает быстрее свечи. Капельки пота скатываются с висков к аккуратно подстриженной бороде.

Он оглядывается, будто желая пересесть, но переходить на другую сторону нельзя. Нельзя менять место. Он вытаскивает из упаковки пару салфеток, приподнимает шляпу и промокает брови и щеки. Очевидно, этого недостаточно – он снимает шляпу и кладет ее на стол, промокает лоб и волосы.

Вид его головы поражает Рейзл. Примятые шляпой каштановые волосы на макушке, пострижены очень коротко. Над ушами волосы более мягкие, там они завиваются в пейсы. Обычно до свадьбы невеста такого не видит.

Ицик не надевает шляпу поверх кипы, как полагается. Вместо этого он расстегивает верхнюю пуговицу рубашки. Воротник от этого не расслабляется, насколько видно Рейзл. Но она все равно нервно поглядывает в сторону гостиной. К счастью, все родители заняты: миссис Каган и мамы увлечены беседой, тати – чтением сефера.

Ицик собирает промокшие салфетки и убирает руку под стол.

Он убрал их в карман? Бросил на пол? Рейзл сдерживает смехок, представляя, что он избавился от них, как мальчик, который не хочет есть горох на ужин, – бросил на пол.

Скрыть улыбку ей не удастся, и Ицик улыбается в ответ. Воодушевившись, он спрашивает:

– Что ты изучаешь?

Рейзл легче от того, что он знает, что она в колледже. Она не знает, что еще ему о ней рассказали, какую правду приукрасили, чтобы выставить ее самой выгодной невестой.

– Бухгалтерское дело, – говорит она. – И не только, – смело добавляет.

Она вспоминает, что ей рассказывали об Ицике: что он высокий, это правда, и красивый, это не неправда. Ему как будто что-то мешает при каждом движении. Хотя она и не смотрела ему прямо в глаза, старалась не поднимать взгляда, когда Ицик к ней подходил, ей показалось, будто что-то не так. Он хромает? Шатается? Одна нога длиннее другой? Умолчать о чем-то – не значит соврать, особенно когда речь идет о браке по расчету. Умолчать – это значит дать факту раскрыться в свое время.

– А что еще? – спрашивает Ицик.

Оглушительно громкие шаги сообщают о приходе тати. Он возникает в дверном проходе и так гневно дышит, что у него раздувается живот.

– Он раздевается перед *майн тохтер*?²⁰ Как мальчишка, в кипе! – кричит тати, стуча кулаком по столу. – Почему он раздевается перед моей дочерью?!

Мами врывается в комнату и видит полную картину: шляпа на столе, где ей не место, расстегнутая пуговица, пылающие красным лица тати и Ицика.

– Давайте я открою окно, – говорит она, пытаясь уладить

²⁰ Моей дочерью (*идши*).

ситуацию.

– *Заа мир мойхел*, – говорит Ицик, прося прощения, поспешно надевая шляпу. Он встает и чуть склоняется перед тати. – Я не хотел оскорбить вас и вашу дочь.

Но тати его не прощает.

– Каким *вильде хайе* надо быть, чтобы так снимать шляпу?

* * *

После ухода Ицика, после того как мами проводила их с миссис Каган по коридору с пожеланиями всего наилучшего, *коль тив*, и дверь в будущее Рейзл захлопнулась, она не уходит из столовой. Она отчаянно хочет уйти в свою комнату. Там ее ждет облегчение одиночества – Гитти из-за *башоу* отправили погостить у кузины Рахи, – но Рейзл не может двинуться с места. Она парализована, обездвижена, как полудрагоценный камень в оправе кольца, будто из кресла вырастают золотые шипы и прочно ее охватывают. Одна золотая преграда на правом бедре, одна – на левом, золотая преграда перед правым плечом и еще одна перед левым. Она не алмаз, не блестящая и прочная. Скорее жемчужина, круглая, мягкая: чем дольше сидит, тем тусклее сияет. В компании воспоминаний об Ицике. Его мужской запах все еще чувствуется в комнате, его силуэт – в кресле напротив нее.

Она думает, о чем они с Ициком могли бы поговорить те несколько минут, до того как тати прекратил *башоу*. Рейзл

могла бы спросить, почему он согласился на встречу с ней, ходил ли он на другие *башоу*, или это его первое, всегда ли он верит в *дер Башефера* или иногда сомневается, помнит ли он своего отца, который, как сказала сваха, умер, когда Ицику было шесть.

По крайней мере, тати не станет новым отцом Ицика.

* * *

– *Фравус?* – спрашивает мами у тати громким шепотом. – Зачем ты его прогнал?

– Защищаю нашу *тохтер*! Если такое не пресечь, если он уже снимает шляпу, дальше он нас только опозорит!

– Позор? Позор – это прогнать хорошего мальчика. Она с твоей защитой останется старой девой! Мало того что Мойше не женат, теперь еще и она? Люди поймут, если у нее свадьба будет раньше Мойше. Это не так страшно. Но если ее не будет вообще, Гитти тоже останется непристроенная.

– Мами, успокойся. Пойдем выпьем чаю, – тати двигается к кухне.

– *Найн!* – гневно шепчет мами. И направляется к Рейзл, которая по-прежнему неподвижно сидит за столом.

Рейзл никогда не выйдет замуж, теперь она в этом уверена. Она решила. Больше никаких *башоу*. Никаких знакомств. И этот ужас она не будет обсуждать ни с Подгорец, ни с матерью.

Но мами смотрит на нее уверенно, чуть прищурившись. Как всегда, она каким-то жутковатым образом знает, что чувствует Рейзл, видит ее отчаяние и отгоняет его прочь.

– Значит, сегодня не судьба. В следующий раз не будем приглашать *хосна* домой. Обычно вне дома не встречаются, но тут, с тати, сойтись будет невозможно. В следующий раз пойдешь ты.

– Правда? – Рейзл не верится, что тати на это согласится. Не верится, что она так сможет найти *хосна*. – Мне можно будет пойти?

– Еще как! – восклицает мами и уверенно кивает. Убежденно и убедительно.

В завязку

– Ты когда-нибудь пробовала бросить? – спрашивает доктор Подгорец на сеансе неделю спустя.

– Конечно, – говорит Рейзл.

Раз в семь дней Рейзл должна отказываться от своей зависимости. Это самый длинный день в неделе, Шаббат²¹ без порно.

Перед закатом по пятницам, пока Гитти моется, а мами хлопочет в кухне, Рейзл уединяется с сине-зеленым закатом, купается в лучах ноутбука. Крышка опущена, звук выключен, чтобы, если кто войдет, никто не услышал ни писка, ни стопа. Но Рейзл очень внимательна. Даже склонив голову под неестественным углом, видя лишь небольшую полоску, Рейзл знает, на что смотрит, и знает, что чувствует. У нее под рукой нет ни настоящего *шванца*, ни пластикового, как у женщин в видео, но у нее есть пальцы, и те пальцы, что не прикрывают компьютер, – в ней, изучают внутреннюю анатомию, пытаются найти все то, что ей показали на экране. Она вводит самый длинный палец, вводит глубже, быстро и тихо, в *вильде лох*, мокрую дикую дырку. Скорее, Рейзл, уже почти Шаббат!

Гитти возвращается из ванной, и Рейзл убирает компью-

²¹ Суббота, седьмой день недели, в который предписано воздерживаться от работы.

тер под кровать. Шаббатная царица больше ждать не может. Рейзл уже мылась, но сейчас снова моет руки и лицо. Она в тумане наблюдает за тем, как мами зажигает свечи, как пляшут огоньки. *Да, Шаббат, да.* Ее тело по-прежнему чуть пульсирует.

Когда мами тихонько договаривает благословение, наступает Шаббат, и Рейзл с мамой и сестрой идут на кухню готовить ужин. Вскоре – слишком скоро – пульсация прекращается. Рейзл раскладывает еду по тарелкам, разливает суп по мискам, посыпает свежим укропом бульон, пахнувший луком и морковью, с тонкой вермишелью и кусочками курицы. Собственные пальцы кажутся Рейзл такими странными, когда делают обычные дела, будто теперь каким-то образом стало заметно и другое их назначение. Будто теперь удовольствие ее тела может внезапно открыться. Послевкусие от порно растворяется – как и ожидание Шаббатней царицы, оно превращается в двадцать пять длинных часов подчинения ее приказам. Никаких электрических переключателей. Никаких таблиц. Никаких нулей и единиц, никакой возможности ни включить выключенное, ни выключить включенное.

* * *

– И как ты себя чувствовала? – интересуется доктор Подгорец. – Когда попыталась уйти в завязку.

– Куда?

– Это такое выражение. Значит резко и полностью от чего-то отказаться, вместо того чтобы делать это постепенно.

Рейзл взвешивает альтернативы. Обе кажутся ей дурацкими. И невозможными.

– Иногда в Шаббат я говорю, что мне плохо, чтобы утром остаться дома, не идти со всеми в *шул*.

И дома в шаббатной тишине она представляет, как сейчас звучали бы шлепок, сосание, стоны из порновидео. Как можно было бы включить синий свет, только его, больше ничего.

Но она никогда этого не делает. Хотя она и одна в квартире, ее все равно окружает Шаббат.

– Я не включаю компьютер. Я соблюдаю Шаббат. Тогда мне правда плохо.

Бросить порно – для Рейзл значит надеть хорошее субботнее платье и пройтись до *шула* с мамой, тихо и печально, как будто в муках влюбленности. Компьютер разъедает ее. С каждым шагом к синагоге за Рейзл тянется невидимый провод, ее мозг остается подключенным к компьютеру в сумке, сокрытой в темноте под ее кроватью.

– А в синагоге тебе лучше?

– Не лучше. Просто по-другому... Я делаю вид, что я – как все остальные.

Она молится и целует сидур, перешептывается с Гитти и кузиной Рахи на галерке женской секции, как раньше, будто она по-прежнему школьница. После ленивого субботнего

обеда Рейзл нравится громко петь земирот²², слишком громко, и слишком сильно бить кулаком по столу во время благословений. Мама стреляет в нее глазами, Гитти велит вести себя тише, но Рейзл не повинуется.

– Мне говорят быть тише, а я стучу еще сильнее. Гитти говорит, я громкая, как мужчина.

– Значит, ты не вписываешься, даже когда не смотришь порнографию, – говорит доктор Подгорец.

Удивленная Рейзл вглядывается в лицо психолога в поисках ухмылки или гневно сдвинутых бровей, в поисках жестокости, необходимой, чтобы произнести такие слова, и ничего не находит. Но слова ее колют, весь воздух, что был в Рейзл, пока она говорила, вылетает, и она устало и бессильно расплывается в кресле. Рейзл и правда всегда была «другой». Всегда отличалась от остальных девочек. И рыжей копной, и скрытыми под ней мозгами. И хорошими оценками. В начальной школе она заняла первое место в конкурсе, где надо было запомнить названия всех недельных глав Торы в правильном порядке, и в конкурсе, где надо было выучить все благословения разной еды. Старшую школу окончили и некоторые ее одноклассницы, но в колледж пошла только Рейзл. Раньше ей не приходилось скрывать, что она другая. Это началось, когда она стала смотреть *шмуц*.

Доктор будто ждет, чтобы она что-то сказала, но что? Разве сеанс не окончен? Поскорее бы, пожалуйста; Рейзл за-

²² Субботние затрапезные гимны.

крывает глаза, чтобы не смотреть на часы. Пустое ощущение ожидания знакомо ей по Шаббату. После долгого обеда родители Рейзл устраивают себе тихий час. Зейде, который раньше составлял Рейзл компанию для субботнего чтения, теперь слишком болен, слишком слаб, чтобы открыть книгу. Измотанная, но не способная уснуть, Рейзл ворочается в кровати, с живота на спину, со спины на живот. Шаббатный сон обходит ее стороной.

В полном спокойствии седьмого дня Рейзл не смеет открыть ноутбук. Но компьютер есть у нее в голове, где все играет на повторе – воображаемая история недавно посещенных сайтов. Хотя в своей голове она видит порно, ее тело не двигается. На кровати в паре метров ерзает Гитти, она читает и мычит себе под нос шаббатные песенки. Приглушенного дневного света, просачивающегося сквозь закрытые занавески, все равно слишком много, чтобы Рейзл могла себя трогать.

И так проходит Шаббат, минута за минутой, секунда за секундой, в порочном цикле осознанности и отрицания, уверенности, что она может отказаться когда угодно – сейчас ведь у нее получается, – и отчаяния, потому что она понимает, что у нее не получится никогда. Она не чувствует себя живой, не чувствует себя человеком без компьютера. Послепорнографический закатный свет начала Шаббата уходит, уступая место ожиданию его окончания, нервному, растянутому, сопровождаемому тиканьем секундной стрелки.

– На сегодня наше время вышло, – говорит доктор Подгорец.

Благословение на трейф²³

Идя по Лексингтон-авеню в сторону кампуса, Рейзл обдумывает слова психолога со вчерашнего сеанса: она не вписывается – ни на Манхэттене, ни в Бруклине. Ни в колледже, ни в общине. А вот порно ее принимает. Порно ей радуется, порно ее хочет. Женщины всех форм и размеров, живущие просто в своей коже. Они улыбаются Рейзл, они рады, что она здесь.

Рейзл копается в воспоминаниях, надеясь найти момент, когда она вписывалась бы, надеясь доказать Подгорец, что она не права – *вы не правы!* Но Подгорец поняла, что «чужой» Рейзл делает не только порно.

Перед главным входом в кампус стоит фургончик, который наполняет всю улицу дурманящим ароматом. Каждый день, проходя мимо, Рейзл чуть замедляется, чтобы его вдохнуть: дальний родственник пастроми, но теплее и богаче, полный специй – мясной рулетик, только-только из духовки, пахнет так сильно, что аромат полностью заполняет нос и горло Рейзл.

Сегодня она встает в очередь за другими студентами в джинсах и джемперах с эмблемой колледжа, и когда очередь доходит до нее, она указывает на жарящееся мясо в крошеч-

²³ Некошерный.

ном окошке фургона.

– Бекон-яйцо? – спрашивает мужчина.

– Бейкон-ейцо, – повторяет она, надеясь, что это не было похоже на идиш.

Рейзл тут же, не заходя в кампус, разворачивает пакет и моментально влюбляется в горячий мясной парок, вырывающийся из-под фольги. Она откусывает кусок и облизывает губы, собирая соленый вкус, и *дер Башеффер* не поражает ее молнией, и она глотает, чтобы освободить место еще куску. Яйцо мягкое, почти как крем, а *хазер* хрустящий. Ей не положено знать, что это такое, но Гугл показал: розовый курносый зверь с большими ушами. *Йиден* умирали, чтобы не есть свинью, а она живет! Сэндвич приправлен перцем и маслом, вкус наполняет не только ее рот, но и ее нос, ее уши, растекается из горла и живота по всему ее телу, поглощая Рейзл, пока она поглощает сэндвич.

Сэндвич быстро заканчивается. Сытость снова сменяется пустотой – некошерная еда съедена, и нет благодарности, которую надо было бы произнести. Хотя она, конечно, не произносила благословения и перед началом «трапезы». Жаль, что нет благословения на *трейф*: «Благословен ты, Г-сподь Б-г наш, сотворивший плод свиньи. Подаривший нам бекон».

У стеклянной двери, ведущей в колледж, Рейзл копается в сумке в поисках пропуска и еще одной салфетки, уверенная, что жир на подбородке ее выдаст. Она роется в сумке,

сначала вылавливает запасные гигиенические прокладки и сидур, карманный молитвенник, и тут же роняет его обратно, на дно сумки.

* * *

После занятий Рейзл идет в кафетерий, где другие студенты едят бургеры, картошку и ланчи, купленные в автоматах. Рейзл всегда берет с собой кошерный ланч из дома. Она изучает столики в поисках свободного места, где можно присесть с термосом и книжкой. Найдя идеальное местечко в дальнем углу зала, Рейзл кладет на стул рюкзак и вдруг замечает, что на нее смотрит девушка, вся в черном: от волос и свитера до ботинок с огромными черными подошвами. На девушке длинная черная юбка – даже длиннее, чем у Рейзл.

Рейзл делает глубокий вдох и кивает ей.

– Я могу тут сесть? – спрашивает она.

– В свободной стране живем, – говорит другая девушка. Или это парень? У них у всех глаза накрашены черным.

Рейзл балансирует на краешке пустого стула, не чувствуя себя достаточно комфортно, чтобы достать обед из дома, но стесняясь уйти.

– Почему вы все в черном? – спрашивает Рейзл, внезапно почувствовав прилив уверенности.

– Как мило, – говорит девушка своей компании, закатывая глаза. – Она не знает, кто такие готы, – и снова поворачи-

чивается к Рейзл. – Точняк. Да?

Рейзл кивает, не до конца понимая, с чем соглашается. Это какое-то новое слово, вместо «гойты»? *Гойты* знают, что они *гойты*? И зачем нееврейке так себя называть?

– Черная одежда – это не главное. По ней мы друг друга находим, – говорит девушка. – Как ты находишь своих, – она указывает на длинную темную юбку Рейзл.

– Я не *гойта*, я *хасидим*, – говорит Рейзл. Все смеются, щеки Рейзл наливаются красным.

– Мы про тебя знаем, – говорит *гойта*-гот. – Вы, считай, главные в Бруклине. И на шоу Опри были *хасидим*. Опра ваших любит.

Рейзл молчит. Она не собирается спрашивать, что такое «Опра» и что у нее за шоу.

– Я Сэм, – говорит *гойта*-гот. – А это – Спарк и Курт, – она указывает на людей за столом.

Оба что-то бормочут. Новые знакомства всегда тревожны для Рейзл, потому что она не пожимает руки парням. Но эти не протягивают рук, а делают какой-то жест пальцами, так что Рейзл вообще не приходится их трогать; ее не ставят перед выбором.

На столе между ребятами лежит телефон. Из него выходит белый раздвоенный провод, один конец которого входит в ухо Курта, другой – в ухо Спарка. Их тела пульсируют, они опираются плечами друг на друга, будто вот-вот упадут.

Сэм водружает на стол большую поношенную сумку. Сум-

ка обвешена металлическими цепями, на застежке – большой серебряный крест. При его виде Рейзл инстинктивно ежится. Сэм этого не замечает, продолжая внимательно и безрезультатно копаться в сумке.

– Как жрать-то хочется, – говорит Сэм.

Рейзл достает свой обед и предлагает Сэм свою ложку.

– А что там у тебя? – спрашивает Сэм, указывая на термос.

– Чолнт²⁴, – говорит Рейзл.

Оказывается, *гойты*-готы обожают чолнт.

– Чили по-еврейски, – говорит Спарк.

– Смотри, там картошка. Это ирландско-еврейское рагу, – говорит Курт.

Сэм усердно работает стальной ложкой Рейзл, принесенной из дома. Остальные находят пластиковые приборы и присоединяются к пиру.

– Что это за сосиски? – спрашивает Курт.

Этого Рейзл не знает. Просто мамины *кишке*²⁵: мука, жир, перец, паприка.

Они уплетают кусок за куском, нежное мясо с ребрышек, фасоль и ячменные семена, блестящие после готовки с мозговыми костями и золотистой картошкой, приправленные луком, чесноком и паприкой.

– А ты сама не будешь? – спрашивает Сэм.

²⁴ Традиционное еврейское субботнее горячее блюдо, то есть блюдо на Шаббат, приготовленное из мяса, овощей, крупы и фасоли.

²⁵ На идише означает «кишка, оболочка», которая дала название блюду.

Рейзл кивает, но она не уверена. Ей можно есть с ними? Можно при них произносить браху?²⁶ Разве это не то же, что молиться в метро, по дороге на учебу, анонимный *давенер* в окружении *гойим*? Нет, они все заметят, что она шевелит губами, может, решат, что она сумасшедшая, если она начнет читать благословение при них.

Так что Рейзл просто смотрит – пока они поедают ее обед, она поедает их глазами. На Сэм висит тяжелая цепь с ключами. Ее глаза обведены черным карандашом, но они сами мягкие, карие, светящиеся голодом. Ее волосы, выкрашенные в смелый иссиня-черный, гладко лежат на одном плече, другая часть головы коротко острижена. Под белой пудрой на щеках проглядывают веснушки, из-за которых она выглядит довольно невинно, а не как призрак.

В левой ноздре Сэм блестит сережка-гвоздик, а внизу по центру носа – колечко. В брови тоже металлические колечки, как шов в волосах, будто их слишком старательно выщипали. Когда Сэм открывает рот, чтобы проглотить еще одну ложку чолнта, Рейзл видит, что язык у нее тоже проколот.

В мире Рейзл есть только один вид прокола – в мочке уха, для бриллианта или жемчужины.

– Это больно? – спрашивает Рейзл, указывая на прокол в щеке Сэм.

– Не, – говорит Сэм. – Даже если больно, это не важно. Жить тоже больно. – Боль для Сэм не проблема. Может, это

²⁶ Благословение.

цель. – Бога же тоже прокололи, – говорит она, приглядываясь к Рейзл.

– Ты веришь в?.. – Сказать «Йойзла» Рейзл не может, потому что Сэм не поймет, но другое его имя, запрещенное, она тоже не смеет произнести.

– В Иисуса? Ну да, – говорит Сэм. – Нормальный парень. – И добавляет: – Хочешь, я тебя прокалю?

– Ты сделаешь это для меня?

– Конечно, зай. Кроме клитора, – добавляет она. – Тут лучше найти профессионала.

Рейзл видела такие проколы. В интернете.

Ни в детстве, ни в подростковом возрасте Рейзл не знала слова, обозначающего часть, находящуюся в центре ее тела, – только «там». *Дортн*. Или «это место». *Йене платц*. Целая территория, источающая запахи и жидкости, – и без названия. А в интернете много-много названий, много-много мест. Там еще есть клитор. А на кожаной бусинке клитора иногда есть металлическая бусина.

– Будет больно? – спрашивает Рейзл как можно более спокойным голосом.

– Чутка, – непринужденно отвечает Сэм. – Зато потом тако-о-ой кайф. Оно того стоит.

– Ой, – слово вырывается изо рта Рейзл, Сэм смеется.

– Ты не сказала, как тебя зовут, девочка-ой.

– Рейзл.

Сэм снова окидывает взглядом Рейзл, на этот раз более

внимательно.

– Вау. Это очень готское имя.

– Правда? – удивленно спрашивает Рейзл.

– А то. Бритва?²⁷ Да ты угроза обществу.

Рейзл не поправляет ее.

Рейзл принимает новое имя, а Сэм принимает ее – в длинной юбке, с длинными рукавами, явно отличающуюся от других студентов.

Впоследствии Рейзл часто садится с Сэм и ее друзьями в кафетерии, где они ничего не едят или, по крайней мере, ничего не покупают, потому что у них нет денег, а иногда – потому что кто-то приносит на обед риталин²⁸, а Рейзл – потому что у нее с собой кошерная еда из дома.

– Эй, Бритва, не осталось вчерашней грудинки?

Ее новые друзья принимают ее еду за доброту и не задают вопросов, когда Рейзл засыпает, положив голову на руки на столике в кафетерии. Они красят глаза черным в туалете перед началом пар и смывают макияж, прежде чем идти домой. Они знают, каково это – не вписываться.

Ребецин

Начальница Рейзл в офисе на Сорок седьмой улице – жен-

²⁷ Здесь игра слов: имя Рейзл созвучно со словом *razor* (англ. «бритва»).

²⁸ Таблетки, относящиеся к категории психостимуляторов неамфетаминового типа.

щина с угольно-черным шейтелем, достаточно старая, чтобы иметь правнуков, но, насколько известно Рейзл, бездетная. У ребецин нет семейных фотографий, только одна – с усопшим мужем, на большом столе в дальнем офисе. Рядом с ним есть стол поменьше – вероятно, она сама за ним работала, когда ее муж был жив, а теперь за ним сидит ее молодая ассистентка. До Рейзл доходили сплетни, *лушен ора*, что на самом деле муж ребецин не был раввином, но он умер так давно, что никто в офисе не может ни подтвердить, ни опровергнуть эти слухи. Поэтому ребецин остается ребецин.

Рабочий стол Рейзл находится в коридоре, недалеко от женского туалета. Иногда ребецин проходит мимо, кивая Рейзл, но всегда молча. Однако сегодня Рейзл сказали отнестись еженедельный отчет по инвойсам лично ребецин.

По дороге в кабинет Рейзл проходит через длинный коридор, полный мужчин и женщин, занятых установкой или починкой драгоценных камней. Стойки продавцов целиком занимают один из этажей здания. За рядами покрытых стеклом витрин, где располагаются готовые товары, за обыкновенными столами сидят продавцы. Свет ламп на тонких ножках льется на пальцы женщин, нанизывающих жемчуг на нити, и мужчин, вставляющих в оправу бриллианты, – мужчин, носящих исключительно белые рубашки и черные костюмы, хотя в их портфелях можно найти камни самых разных цветов: рубины, изумруды, сапфиры, опалы. Полудрагоценные мужчины никогда не работают с бриллиантами, а торговцы

бриллиантами никогда не трогают жемчуг – это как разделение мясного и молочного. Бриллиантовый бизнес почти целиком переехал в Индию, и из всей принадлежащей ребецин недвижимости это здание – последнее, наполненное богоизбранным народом и драгоценными камнями.

Раз в неделю вооруженный охранник сопровождает ее по дороге в банк. Она сутулится, плечо оттягивает сумка, которую ребецин крепко прижимает к себе, стараясь укрыть от охранника. Даже ему она не доверяет.

Единственная драгоценность в сумке Рейзл – ноутбук, приятно и волнительно тяжелый. Она опасается оставлять его на рабочем месте, даже когда идет в туалет или выполняет какое-то поручение ребецин. Она быстро проходит мимо продавцов, всегда вежлива, с неизменным ответом на все вопросы.

– *Вус махсти, Рейзл?*

– *Барух а-Шем.*

Слава Б-гу.

– Как мама поживает?

– *Барух а-Шем.*

– А папа как?

– *Барух а-Шем.*

– А братья?

– *Барух а-Шем.*

– А сестра?

– *Барух а-Шем.*

Возможно, муж ребецин и правда не был раввином. Может, он и вовсе не был праведником. Единственное его наследие, в котором можно не сомневаться, – его амбиции. Рейзл слышала, что, когда они много лет назад начали свое дело, ребецин сама нанизывала жемчуг на нить, но потом ее муж сдал каморку, рядом с ее, субарендатору, потом сделал то же самое с каморкой с другой стороны и так далее, пока они не заняли весь этаж, а вскоре и все здание. К чему беспокоиться о международной торговле, революции в Южной Африке, шахтах в странах, в которые они никогда не поедут, колебаниях валюты, о том, что носить на себе драгоценные камни опасно? Зачем, когда можно собирать аренду? Старые кирпичные здания Манхэттена – вот бриллианты ребецин.

Дверь в офис открыта, но Рейзл все равно стучится и ждет, чтобы ее пригласили войти. Ребецин молча принимает ее отчет, слегка прищуриваясь, и небрежно кидает его на стол.

Ребецин очень строго и хорошо одета. У нее на шее жемчужные бусы в три нити, с самыми большими жемчужинами, что Рейзл доводилось видеть. Пусть они и красивы, ребецин они не украшают – от их блеска ее зубы кажутся еще желтее, чем есть на самом деле.

Она вечно шурит. Даже глядя прямо на Рейзл. Рейзл чувствует себя как под лупой, сырой и неотполированной, как жемчужины, которые когда-то нанизывала ребецин.

– Покрутись, – говорит она.

– *Бус?*

Ребецин – строгая начальница. Это всем известно. Что Рейзл сделала не так? Что она упустила? За что ее ругают?

– Покрутись, *шейне мейделе*, – снова говорит ребецин, на этот раз ласковее.

Медленно, не отрывая взгляда от своих носков, делающих круг по ковру, как стрелки часов, Рейзл разворачивается.

– Хорошо, – говорит ребецин, когда Рейзл снова встает лицом к ней. – Все инвойсы выплачены?

– *Йа*, ребецин.

– Тебе показывали дебиторскую задолженность? Бухгалтерские книги? Ты читала выписку из банка?

Это ловушка? Она провинилась, что-то сделала не так?

– *Найн*, – отвечает Рейзл.

Ребецин с отвращением качает головой.

– *Сихер нишит!* – говорит она и повторяет по-английски: – Конечно, нет! С чего бы это им учить тебя чему-то полезному?

Она протягивает бумаги Рейзл, будто бумаги – это продолжение ее руки, зовущей Рейзл. Она держит их двумя пальцами, указательным и большим с блестящим бриллиантовым кольцом. Рейзл никогда не видела кольца на большом пальце.

– Я тебя научу. Ты быстро все поймешь. Бери стул, садись, – она кивает в сторону небольшого деревянного стола в углу и стоящего рядом пластикового раскладного стула. Сегодня у ассистентки выходной.

Хлипкий стул с легкостью переносится к большому столу, и, когда Рейзл его опускает, ребецин пододвигает его как можно ближе к собственному, тонкий пластик оказывается рядом с темным деревом. Рейзл садится, куда ей говорят, убирает сумку под стул. От ребецин пахнет розовой водой, как от пожилых женщин в шале, и чем-то еще, терпким и мятным. Кожа на шее немного обвисла, но подбородок все еще боевой. Что же это за запах?

Рейзл никогда не находилась так близко к кому-то, кроме родных; так близко к ней садилась только мама много лет назад, когда читала ей истории из Торы для девочек. И потом Гитти, когда Рейзл читала ей эту же книгу. Рейзл уже выучила ее наизусть, но все равно указывала пальцем на каждое слово, как мама.

Ребецин тоже указывает пальцем, объясняет ей, как ориентироваться в колонках дебета и кредита. Показывает, как месячный доход с аренд превращается во вложения, дебиторская задолженность превращается в капитал, в первый взнос за ее новое здание. Объясняет ей движение денег, словно главу из Торы. Дает словам из лекций новые значения. Ребецин неожиданно терпелива, она не злится, когда Рейзл спрашивает:

– Раз вы все время в долгах, как у вас получается зарабатывать?

– А ты посмотри на это с другой стороны, – говорит она, откидываясь в кресле. По широкой улыбке нежемчужных зу-

бов Рейзл догадывается, что этот вопрос ей понравился. — Я всегда получаю деньги, так почему бы не одолжить немного, если так я смогу еще больше заработать?

Она приглаживает волосы Рейзл, заправляя особо непослушную прядь за ухо. У Рейзл бегут мурашки от прикосновения ногтей ребецин к ее уху. Но та убирает руку, и момент проходит — так быстро, будто его никогда и не было.

Они продолжают изучать документы, и когда Рейзл во всем разберется, она будет получать не только записи инвойсов и чеки. Теперь она будет разбираться и с задолженностями.

— Молодец, — говорит ребецин, когда урок подходит к концу. — Мне нужна умная девочка вроде тебя. Девочка с *сейхель*, — одобряюще добавляет она.

Рейзл решает, что теперь надо убрать стул, и поднимается.

— Постой, — ребецин кладет руку на бедро Рейзл и неожиданно сильно его сжимает, не давая ей встать. — Это еще не все.

Рейзл импульсивно хочется спихнуть ее руку и поставить стул обратно ко второму столу, где он и должен быть. Но она этого не делает. Конечно, такое странное поведение — это ненадолго. Да и Рейзл хочется узнать больше, хочется стать такой же успешной, как ребецин. На занятиях им не рассказывают и половины того, что нужно. Деньги, которые она изучает в колледже, эфемерны, они исчезают, стоит ей закрыть учебник или экран ноутбука с таблицей. Деньги ре-

бецин настоящие, бесконечные. Они живут, даже когда закрываются бухгалтерские книги и в офисе гаснет свет.

После каждой главы из Торы мами крепко обнимала Рейзл. Так Рейзл понимала, что они дочитали, и мами могла отложить книгу в сторону. На секунду Рейзл волнуется, что ребецин ее обнимет. Но она лишь держит руку на ноге Рейзл, чуть надавливая, будто деньги и отчеты, которые они обсуждают, живут в теле ребецин, и теперь вся эта информация должна перейти к Рейзл.

Запах оттуда

– Ты иди занимайся, Рейзеле, – говорит мами тем вечером после ужина. – Гитти и Йосси мне помогут.

Рейзл идет к себе в комнату, наслаждается одиночеством и возможностью залезть с ноутбуком в постель, а не сидеть за столом. Она убавляет громкость до минимума, чтобы слышать, что происходит в квартире: тати ворчит, что Йосси слишком много времени проводит в кухне, что он уже слишком большой, чтобы так помогать мами. Он ругает Йосси за то, что тот витает в облаках в школе.

– Пора повзрослеть! Твои уроки – не шутка! Почему не можешь как сестра? Она делает уроки, получает пятерки. Где ты *парнусу* возьмешь, а? Какой *калле* ты такой нужен?

Рейзл кажется, что Йосси вряд ли найдет невесту, и не из-за плохих оценок. Рейзл подозревает, кто он, даже если он сам не подозревает. В колледже есть клуб, со встреч которого мальчишки выходят, держась за руки. Она видела, что мальчишки там целуются, и в интернете видела. Она не думала, что так бывает, и Йосси уж точно не думал, что так может быть у него. Тати называет его слабым. Тому, что делает Йосси другим, нет места в их мире. Нет места в их семье, нет места в их обществе. Крики отца отвлекают Рейзл от видео, теперь все, что она чувствует, глядя на голых людей, – печаль от того, что Йосси не может быть свободным, как они, что он будет

вынужден скрывать свое нутро. Ему придется бороться с самим собой, со своими *кишкес*, чтобы быть тем, кем отец хочет его видеть. Или он будет таиться, как скрывается Рейзл.

Кухонный ящик захлопывается, вздрагивает *фляйшиг* фарфор. Пластиковая посуда для молочной пищи дрожит совсем по-другому, когда хлопает другой ящик. Ужин – всегда *фляйшиг*. И ссора всегда одна и та же: тати кричит и стучит кулаком, мами пытается его успокоить, говорит тати, что Йосси будет больше стараться, говорит Йосси и Гитти, что тати это не всерьез. Забудьте, говорит мами, все, что он сказал.

Но вдруг привычный сценарий меняется. Гитти кричит:
– Оставь Йосси в покое!

Тонкий вскрик, которого Рейзл раньше не слышала. Тати обходит стол, стены дрожат от его крика:

– *Хуцпадик мейделе!*

Гитти стремительно пробегает по коридору и распахивает дверь перед Рейзл и «Секси Супермоделью» на экране. Но Гитти ее не замечает. Она кидается на кровать Рейзл и рыдает в одеяло. Рейзл левой рукой кликает на крестик на вкладке с порно и открывает таблицу Excel.

– Гитти, пожалуйста, не плачь! – Рейзл хочется сжать ноги вместе под одеялом, но это невозможно. Жалкое трясущееся тело Гитти оказывается ровно между ее ног.

– Тати такой злой, – плачет она. – Ненавижу его.

Она ударяет кулаком по матрасу. Трясущаяся кровать

именно то, что нужно Рейзл. Медленно и незаметно она вытаскивает правую руку из-под одеяла.

Гитти замолкает и, окинув Рейзл цепким взглядом, садится на кровати. Чуть морщит нос и спрашивает, как Рейзл себя чувствует. Дотрагивается до ее щеки.

– *Хайс!* – восклицает она, отдернув руку, будто лоб Рейзл настолько горячий, что может обжечь. – Я зову мами.

– *Найн!* – Рейзл хватается ее за руку, не давая ей уйти.

Гитти принюхивается будто неуверенно. Снова принюхивается. Это запах оттуда. Как запах селедки и немного дрожжей из маленького пакетика, которые мами смешивает с водой и сахаром, чтобы сделать халу²⁹. Запах всей кухни на ее пальцах! Запах выдает Рейзл.

Гитти снова принюхивается. Рейзл с Гитти всегда были близки. Они единственные девочки в семье, после первых двух мальчиков и перед последним. Они много лет носили одинаковые платья, да и Гитти высока не по годам, так что их можно было бы принять за близнецов, если бы – к счастью для Гитти – не светло-каштановые волосы младшей, лишь слегка отдающие рыжиной.

Рейзл кладет руку себе на лоб, поднося запах оттуда прямо к лицу.

– И правда, Гитти, у меня температура. Я приму аспирин, он поможет.

²⁹ Еврейский традиционный праздничный хлеб, который готовят из сдобного дрожжевого теста с яйцами. Хлеб-халу едят в Шаббат и на праздники.

Гитти задирает подбородок. Она указывает на компьютер:
– Это из-за него ты болеешь.

– *Найн*, – говорит Рейзл. – От работы не болеют.

Но она все равно тут же захлопывает ноутбук, будто закрывая крышку банки, будто чтобы запереть свой запах внутри, между клавиатурой и экраном.

– *Йа*, – говорит Гитти. – Ты слишком много работаешь, – она тянется к ноутбуку. – Давай я тебе помогу.

Тут у Рейзл будто и правда подсказывает температура – от осознания, что Гитти может увидеть порно.

Она представляет это всего на полсекунды. Может, она могла бы рассказать Гитти? Может, это так же просто, как показать ей *The Maccabeats*, эту глупую песню, один раз показать, и все?

– Ты принесешь аспирин? – потирает она сестру. Даже в таком состоянии Рейзл все равно старшая сестра, Рейзл все равно раздает приказы. – *Шкоах*, – кричит она с кровати и с благодарностью выдыхает, когда Гитти скрывается в ванной.

Разбитое время

Когда тати получил травму на работе, всем показалось, что пострадала не только его спина. Будто сломалась часть из жизни, сломалось само время, и все пошло в неправильном порядке. Что болеет старенький зейде, было ожидаемо. Но не тати.

Это случилось три года назад, когда Рейзл была в десятом классе. Мама позвонила Рейзл, когда та работала – помогала матери шести детей, старшему из которых не было и восьми. Мама вручила ей кошерный телефон, чтобы звонить насчет продуктов, которые нужно докупить, или когда надо было срочно связаться. В тот вечер мама попросила Рейзл зайти за таблетками для зейде – у него проблемы с почками.

Когда Рейзл пришла домой, в кухне никого не было, стол пустовал, лишь громко свистел чайник на плите. Затем к свисту присоединился стон из коридора, глубокий стон, намного ниже свиста, давящий. Рейзл быстро заварила чай, чтобы отнести зейде вместе с лекарствами, но обнаружила его безмятежно храпящим в своей комнате. Его разбудил стук подноса, опустившегося на комод.

– Ты принесла чай! *Шкоах*, Рейзеле, – поблагодарил он. – Какая ты добрая. – Зейде снова закрыл глаза, но продолжил говорить: – Это *цхис* твоей мамы, ее великая заслуга, что у нее такая дочь. Ты даже знаешь, когда я хочу пить!

– А где мамі? Это ведь она поставила тебе чайник?

– Ай, нет, – сказал зейде.

Из спальни родителей снова раздался стон. Рейзл подско-
чила к двери, но зейде ее окликнул:

– Чай!

Рейзл вернулась, захватив еще подушку, и торопливо
взбила те, что уже лежали, чтобы зейде мог сидеть прямо.
Поднос она поставила на стул у кровати, расплескав впопы-
хах немного чая из чашки.

– *Нишит гефферлех*, – сказал зейде. – Ничего страшного.
Иди, – он махнул ей рукой.

Стоны стали более пронзительными. Боль в крике тати,
совершенно не похожем на его обычные крики, напугала
Рейзл. Тати всегда был строгим, но иногда приправлял ее
мягкостью. Он постоянно что-то ей запрещал, но потом при-
носил им с Гитти игрушки. Врывался в их комнату, держа
руки за спиной, и предлагал угадать, что он принес, чтобы их
порадовать. Он заходил в кошерный магазин игрушек по до-
роге с работы и приносил им семью *мицва*-куколок, закрыва-
ющих глаза руками за произнесением вечерней Шма, или ку-
колку шаббатней мамі с игрушечными свечками и малень-
кими пластмассовыми халами.

Сейчас в нем не было ни намекa на эту мягкость. Низ-
кий болезненный стон напомнил Рейзл уверенный голос та-
ти, проговаривающего благословение после еды. Даже после
субботнего обеда, когда ему не терпелось поскорее оказать-

ся в кровати и отдохнуть, он четко произносил каждое слово молитвы. Вот и сейчас он как будто спешил – отчасти из желания поскорее покончить с этим, как с шаббатным благословением, отчасти от отчаяния. Рейзл почувствовала, что он не знает, как положить конец этим страданиям.

Мами сидит у кровати, напуганная. Кажется, она тоже не знает.

– Ты не принесла чай? – упрекнул ее тати.

– Я отнесла его зейде.

– Зейде? Почему? А мне что, чай не нужен?

Лоб тати прорезала морщина разочарования. Уголки его губ опустились, будто он только что попробовал еду, которая должна была быть вкусной, но оказалась гнилой, и ему не терпелось ее выплюнуть.

– Да, тати. – Рейзл отвернулась, чтобы не смотреть на горькое выражение лица, которое не узнавала. – Сейчас принесу тебе чай, – сказала она и вышла из комнаты.

К счастью, когда она вернулась с чаем, свет был выключен. Она поставила поднос на комод, но не осталась, чтобы помочь. Мами сама принялась кормить тати с ложечки.

Мами много дней ходила между комнатами зейде и тати, делала чаи и компрессы, приносила им лекарства, молоко или воду и еду, если таблетки надо было принимать с едой. Останавливалась она, лишь когда Рейзл возвращалась с учебы или работы, тогда Рейзл отчасти перенимала у нее эстафету и шла помогать зейде. Если она заходила к тати, он кри-

чал: «Позови мам!»

Голос тати эхом раздавался у нее в голове, даже когда она уходила из комнаты.

Рейзл вышла из комнаты тати, полной злобы и боли, и обнаружила маму на диване в гостиной. Рейзл удивило, что мама закинула ноги на подлокотник.

– Я уволюсь, – сказала Рейзл. – Тебе тяжело одной.

Мама это не одобрила.

– *Найн, найн.* Работай дальше. Это ничего. Я просто сегодня устала.

– Я могу снова выйти в следующем году. Помощь все равно будет нужна.

Но Рейзл не уволилась. Это тати на какое-то время ушел с работы, а Рейзл стала работать больше, чтобы самой платить за проезд и помогать семье. Когда тати вернулся на работу, он больше не поднимал тяжелых коробок с товаром – никаких пятидесятидюймовых телевизоров («Ну зачем он поднял этот телевизор? Двадцать пять лет там проработал! Он же менеджер! А до сих пор коробки таскает, как *шаббес гой!*» – сетовала мама, качая головой. Конечно, тати она этого не сказала. Он бы разозлился, а разве оно того стоило?) Тати нашел обезболивающее, от которого его не рвало и не было запора, по крайней мере такого, с которым не справился бы чернослив. Постепенно он начал выходить из комнаты, передвигаться, ходить в *шул*, ездить в магазин на Манхэттене в специальном фургоне – в дни, когда боль немного

отступала. Но грубость в его голосе никуда не исчезла, а терпение только уменьшалось. Злить тати никому не хотелось. Когда он кричал, из комнаты будто исчезал воздух, будто она должна треснуть, чтобы гром голоса тати вылетел, а кислород вернулся. Когда он кричал, морщины у него на лбу становились глубже, на лице выступали капли пота. К его ударам по столу все привыкли. Просто тихо ждали, пока он закончит. И молчали, надеясь не просто на то, что его гнев пройдет, а на то, что, если не подливать масла в огонь, прежний тати вернется.

V-образный вырез

В туалете колледжа Рейзл снимает кардиган, расстегивает блузку и убирает вещи в рюкзак. На секунду она обнажена, огромный бежевый лифчик на белой коже. Даже без одежды она остается хасидкой. Будто скромность – неотъемлемая ее часть, будто она никогда не сможет раздеться до конца, сколько бы слоев одежды она ни сняла. Этот лифчик явно предназначен для сокрытия.

Из рюкзака Рейзл достает черный свитер с V-образным вырезом. Чтобы добыть на него деньги, пришлось соврать маме – она сказала, что потеряла проездной на метро, и купила свитер в магазине рядом с кампусом. Натянув свитер, она выходит из кабинки посмотреться в зеркало; ткань оказалась более прозрачной, чем она предполагала, – из-под нее просвечивает ее бледная кожа. Линия между грудями тоже заметна, она спускается прямо в центр выреза. Рейзл чувствует, как по телу бегут мурашки. Те, кто не обращал на нее внимания, теперь смогут ее заметить. Она-то уж точно видит больше, чем раньше.

Подходя к аудитории, Рейзл вдруг чувствует прилив страха. Лицо пышет жаром, но пальцы, вцепившиеся в лямки рюкзака, ледяные, она их не чувствует. Верхняя часть ее туловища, обтянутая свитером, кажется частью чужого тела. На нижней по-прежнему длинная юбка. Ее можно было бы

разрезать пополам; что-то из этого точно не ее: ноги или, наоборот, перед – то, что в интернете называется сиськами.

Рейзл приходит на пару заранее и садится подальше. Заходят остальные студенты, в том числе примечательно высокий парень. Он проходит мимо стульев с приделанными к ним столиками. У него на кофте большая цифра «десять», Рейзл знает: это значит, что он спортсмен. Рейзл чувствует на себе его взгляд, скользящий к вырезу. Или ей только кажется? Как только парень оказывается у нее за спиной, она начинает сомневаться. Раньше у нее такого не было. Страшно чувствовать себя выставленной напоказ, но при этом так волнительно быть заметной, возможно даже желанной для мужчины с такими большими руками, что ноутбук в них кажется детской игрушкой. Своими длинными белыми пальцами он мог бы подбросить ноутбук и с легкостью и грацией поймать, спасти от падения. Рубашка плотно прилегает к его плечам и груди, как свитер Рейзл плотно прилегает к ней. Что будет, если он снимет рубашку? Если она снимет свитер?

Уперев взгляд в стол, Рейзл занимает себя тетрадью и текстом, который им задали прочитать: «Супермен и я» Шермана Алекси³⁰. Алекси описывает, как научился читать в три года, представляя, что написано в облачках с текстом в комиксах о Супермене, опираясь на картинки. Рейзл волнуется.

³⁰ Шерман Алекси (род. 1966) – американский писатель, поэт и сценарист. Самое известное его произведение – автобиографический роман «Абсолютно правдивый дневник индейца на полставки» (The Absolutely True Diary of a Part-Time Indian, 2007). (Прим. переводчика).

ся – вдруг и у нее над головой висит такое облачко, вдруг остальные студенты чувствуют, как она мысленно их разделяет, на мгновение представляет каждого без книг, рюкзака и куртки. Кто из них хотел бы обнять другого студента или ее? С кого упали бы джинсы? Порноролики вселили в Рейзл искаженное убеждение в том, что любому одетому человеку нужно лишь подмигнуть, слегка до него дотронуться, чтобы он тут же разделся.

Собственная «нагота» настолько отвлекает Рейзл, что она ни на чем не может сосредоточиться. Как можно о чем-то думать, когда на ней этот черный (но каким-то образом прозрачный) свитер с V-образным вырезом? Она надевает куртку и застегивается, будто снег внезапно пошел и в аудитории. Ей все равно, что она запарится, что пот уже стекает по ее позвоночнику струйкой позора, впитываясь в плотный свитер.

Профессор О’Донован просит студентов прочесть эссе вслух и выводит на доске вопросы для обсуждения. Вопрос 1. Когда вы научились читать? Вопрос 2. Можете рассказать о первой книге, которую прочитали? О’Доновану интересно. Все ему интересно! Но, к счастью, на этот раз он не спрашивает Рейзл.

После занятий Рейзл идет в библиотеку, чтобы узнать у интернета, как выглядит Шерман Алекси. Он называет себя индейцем, но Рейзл не до конца понимает, что это значит. Интернет показывает ей его фотографии, и этого достаточ-

но, чтобы она могла представить трехлетнюю себя рядом с трехлетним Шерманом Алекси, как они вместе учатся читать. Только в руках Рейзл – не комиксы о Супермене. Это вообще не книга. Это карточка-указатель, три на пять дюймов, единственный текст в их доме с погнутыми уголками, покрытый мукой и не священный, – часть картотеки, хранящейся в коробке на кухне, коллекции рецептов, которые бабэ передала маме. Рядом с коробкой стоят яйца, мука и маргарин, сахар, дрожжи и шоколад. Рейзл знает порядок ингредиентов, так что она просто указывает на слова в рецепте и зачитывает, что написано на карточке. Разбить яйца. Добавить муку. Маме делает *шаббес* булочки, а Рейзл читает. Выучив рецепты, Рейзл переходит к молитвеннику, затем – к маленьким буклетам с шаббатными песнями и благословениями после еды. Следовать звучанию песен и молитв, следя за словами на бумаге, не так-то сложно.

В библиотеке, когда Рейзл наконец-то остается одна в небольшой кабинке для занятий, она снимает тяжелую куртку – не важно, что она остается в свитере с вырезом, тут никто ее не видит – и перечитывает эссе. Ей приходится спросить у интернета, что такое «индейская резервация Спокан», что такое «католическая школа», но она и без того понимает, каково быть ребенком, который хочет учиться, когда взрослые вокруг не хотят, чтобы ребенок что-то узнавал. Не хотят, чтобы он знал слишком много. И она знает, каково это – все равно не переставать учиться.

Брахес-bee

Вечером, после того как Гитти выключает свет, Рейзл накрывается одеялом с головой, соорудив персональную интернет-палатку. Едва она успевает войти во Всемирную паутину, как палатка рушится под тяжестью прыгнувшей к ней на кровать Гитти.

– Что делаешь, Рейзи? Будешь заниматься всю ночь, чтобы получить Тору?

Рейзл резко захлопывает ноутбук.

– Гитти, не будь такой *цадейкес*, твоя праведность уже достала. Иди спать.

– Но я не хочу спать! – заявляет Гитти.

– Ладно, можешь не спать, но сиди у себя. Меня не трогай, – Рейзл пытается говорить буднично, не агрессивно.

Гитти топает обратно в свою кровать и начинает нарочито громко похрапывать, чтобы Рейзл знала, что она не спит.

Рейзл дожидается, пока сестра сдастся и уснет. Она не сомневается, что ее собственное желание – интересно, какие видео она сегодня найдет? – не даст ей заснуть еще не один час. Слушая, как дыхание Гитти выравнивается и постепенно сменяется тихим сопением, Рейзл вспоминает, что раньше ей не давала спать по ночам только учеба.

Вооружившись фонариком, Рейзл занималась днем и ночью, изучала карточки под одеялом. «Мами не говори», – предупреждает она Гитти.

Брахес-bee – масштабное соревнование в начальной школе Рейзл, как *spelling bee*³¹, только вместо произнесения слов по буквам участники должны были назвать верные благословения, которые нужно произносить до и после приема той или иной еды. Это соревнование – нетипичное явление в хасидских школах для девочек, но директриса, ребецин Фрид, посчитала, что ученицам не помешает научиться произносить благословения еще четче. Рейзл изучала длинные списки еды, всевозможные категории благословений, всяческие исключения. Каждую ночь, прячась под одеялом, она шептала названия еды и соответствующие *брахи*, направляя слова тому, кто слушает и всегда слышит, – *дер Башефери*.

Неделю в каждом классе проводились тренировки. Потом победители разных классов соревновались друг с другом перед всей школой. Каждый раз, как очередь доходила до Рейзл, ее сердце колотилось так громко, что она едва могла слышать голос ребецин Фрид, называющей еду, – после чего

³¹ Spelling bee – конкурс, на котором участники должны правильно по буквам произнести то или иное слово. Конкурс появился и пользуется наибольшей популярностью в Америке (*Прим. переводчика*).

надо было назвать благословение. Она не произносила его полностью, только сокращение, называла главное слово: *а-эц*³² – благословение на все фрукты, растущие на одном гигантском дереве в ее воображении, *а-адама*³³ – благословение на еду, растущую в темной плодотворной почве, как на берегу озера в Катскильских горах. *Мэзонойс* – благословение наподобие посыпки мукой для всевозможной выпечки, за исключением хлеба, для которого существует отдельное благословение, *а-мойци* – призывающее его из недр земли. *Ше-а-коль* – благословение на все остальное, оно содержит в себе еду, не подходящую к остальным благословениям, подобно магазинной тележке. И, наконец, благословение после еды. Все это Рейзл уместила у себя в голове. Стоя на сцене, она представляла вкус еды, которую называли, даже если она никогда ее не пробовала, и сглатывала, прежде чем назвать благословение.

Рейзл поставила себе четкую цель: на все дать правильный ответ. Не допустить ошибки, которую допустила, тренируясь с кухней Рахи, – не сказать «а-эц», благословение на плоды дерева, когда ее спросили про арахис и надо было сказать «а-адама», благословение на плоды земли. «Неправильно!» – пропела кухня, радуясь ошибке Рейзл. Она не проиграет из-за какого-то там арахиса! Она займет первое место и принесет домой приз: красивую карманную книжку с молитвами.

³² Дерево (ивр.).

³³ Земля (ивр.).

Обрамляла ее серебряная обложка с двумя львами, стоящими на задних лапах и держащими в передних лапах камень с десятью заповедями. Завершала картину парящая над ними корона. Школа отправит им домой письмо, чтобы оповестить родителей. Мама откроет письмо, папа будет так гордиться. Зейде подмигнет ей, как бы говоря: «Я знал, что у тебя все получится».

Вот о чем она молилась, стоя на сцене, поднимающей ее чуть ближе к гимелю, усиливающей ощущение, что *дер Башефер* не просто слушает ее на небесах, но может с ней говорить, может вложить ей в уста верное благословение. Создатель поможет ей одолеть остальных учениц, включая ее соперницу, Двору, которая, по собственному заявлению, изучала благословения днями напролет. Она была из семьи почтенных ребе, никто не сомневался в ее победе.

Ребецин Фрид называла еду и поджимала губы, по очереди глядя на каждую девочку. Когда она называла еду, Рейзл мысленно себя спрашивала:

Булочка-крендель – больше булочка или больше крендель?

Кныш³⁴ с картофелем – больше картофель или больше кныш?

Банановый сплит – больше банан или больше «сплит»?

Чем дальше шел конкурс, тем сложнее становились блю-

³⁴ Небольшой круглый пирожок с запеченным внутри творогом или другой начинкой, например с вареньем или кашей с пассерованным луком со шкварками.

да, и девочки, знающие только базовые благословения, постепенно выбывали. Но ученицы, выучившие все списки, знали, что банан и мороженое имеют равный вес, поэтому надо было произнести два благословения.

От жаркого света прожектора у Рейзл закружилась голова. Она осмотрела море лиц, девочек из всех классов. Рассажённые рядами, они ерзали и перешептывались от скуки. Учителя не могли уследить за всеми. На столе ребёцин Фрид поблескивал красивый серебряный сидур, словно призом была не сама книга, а звезда.

Конкурсантки постепенно выбывали. Ривка выбыла, потому что по ошибке сказала, что перед поеданием карамельного попкорна надо говорить *а-адама*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.